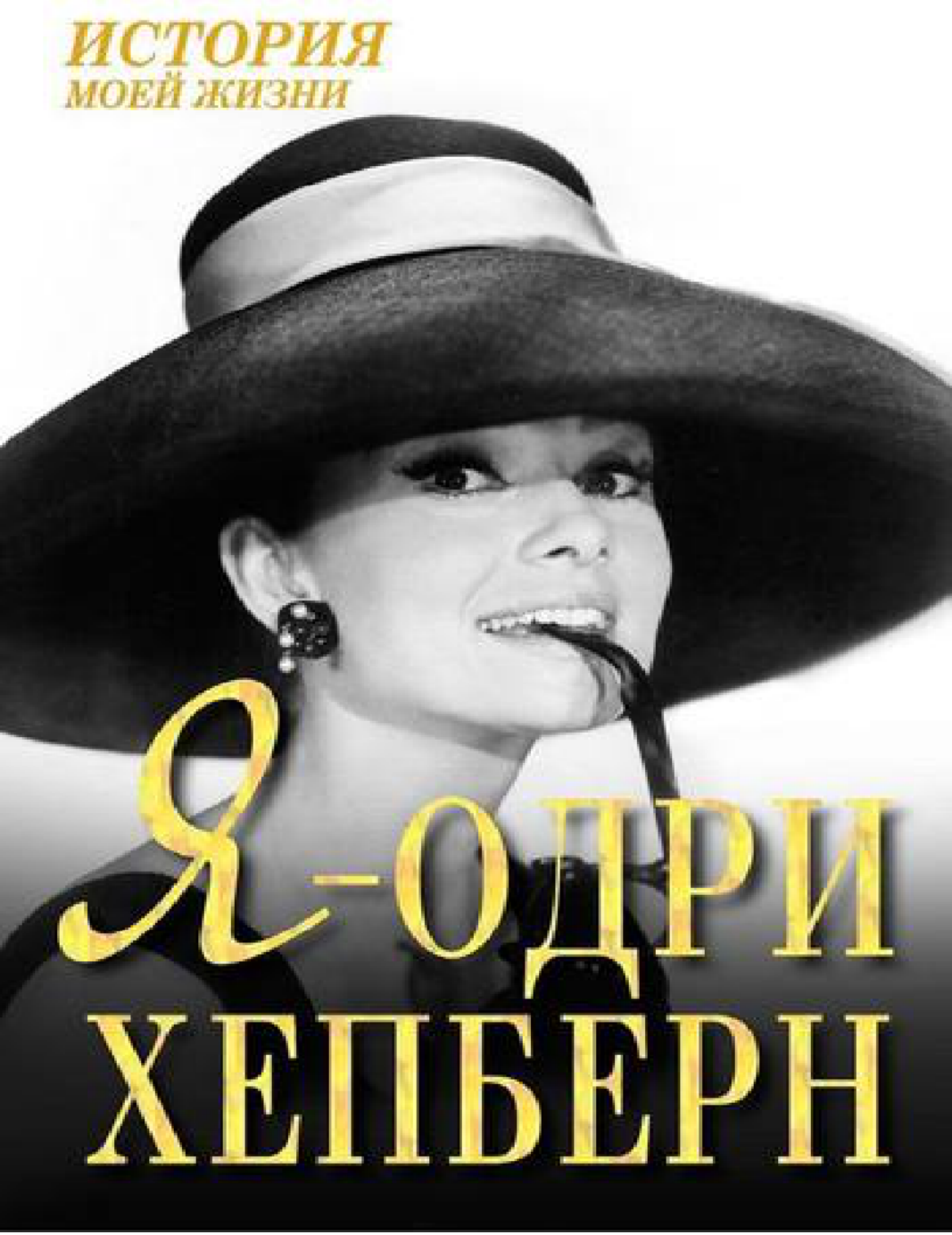
ИСТОРИЯ
МОЕЙ ЖИЗНИ



Я – ОДРИ ХЕПБЕРН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Над ней не властно время. Мир меняется, мода приходит и уходит, а Одри Хепбёрн по-прежнему остаётся недосягаемым идеалом красоты, элегантности и хорошего вкуса.

Но многие ли знают, что таилось под прекрасной внешней оболочкой?

Кто она? Юная балерина, сражающаяся с нацистами, самая высокооплачиваемая звезда Голливуда, икона стиля в платьях от Живанши, посол ЮНИСЕФ, спасающий голодающих детей. Какое из этих лиц настоящее?

Какой Одри Хепбёрн была на самом деле?

- Екатерина Александровна Мишаненкова (составитель)
  - ○

Екатерина Александровна Мишаненкова (составитель) Я — Одри Хепбёрн

Одри Кэтлин Растон, впоследствии Хепбёрн, родилась в Брюсселе 4 мая 1929 года, в семье голландской баронессы и ирландского авантюриста.

Мать Одри, Элла ван Хеемстра, происходила из старинного баронского рода, ведущего свою родословную с XVI века. Как и все аристократические семьи, ван Хеемстры находились в родстве с дворянскими родами чуть ли не всей Европы, так что в Элле смешалась кровь голландцев, французов, венгров и евреев. Впоследствии обширные родственные связи очень помогли в жизни и ей, и её дочери Одри.

Их семья не была особо богатой, несмотря на то, что отец Эллы, барон Арнольд ван Хеемстра, был известным юристом и поочерёдно занимал достаточно высокие должности: чиновник в министерстве юстиции, судья, мэр, губернатор южноамериканской колонии Суринам (Голландская Гвиана). Однако у Арнольда ван Хеемстра было много детей, каждого из которых пришлось обеспечить, поэтому все они стали людьми состоятельными, но отнюдь не богатыми.

Словно в противовес Элле, отец Одри, Джозеф Виктор Энтони Хепбёрн-Растон был человеком «из ниоткуда». До сих пор неизвестно толком, кто он, где родился и чем занимался. Он совершенно неожиданно возник в жизни Эллы ван Хеемстра, а через несколько лет навсегда пропал из виду.

К моменту рождения их единственной дочери Одри Джозеф носил фамилию Растон, но позже сменил её на Хепбёрн-Растон, чтобы подчеркнуть своё родство со знатным шотландским родом Хепбёрнов.

> Я родилась с невероятным желанием любви и страстной потребностью дарить её.

Для обоих родителей Одри Хепбёрн это был не первый брак.

Элла ван Хеемстра в юности подумывала о карьере оперной певицы, но родители сочли это неподходящим занятием для дочери барона и поспешили отправить её в путешествие. В Батавии (сейчас — Джакарта) она познакомилась с голландским аристократом ван Уффордом и вскоре вышла за него замуж.

Их брак просуществовал недолго — с 1920 по 1925 год, после

чего они по неизвестным причинам развелись. Элла осталась одна с двумя сыновьями, но она и не думала унывать — благодаря её привлекательности, приличному состоянию и баронскому титулу она легко могла найти себе нового подходящего мужа.

Однако она вдруг выбрала совершенно неподходящего Джозефа Растона, яркого красавца, нравившегося дамам, но совершенно не привыкшего работать. Он быстро развёлся со своей предыдущей женой, и они с Эллой поженились.

Надо сказать, она довольно скоро поняла, что Джозеф не стремится работать, а интересуют его только светская жизнь и политика — он был ярым антикоммунистом. Но она стремилась сохранить брак и через связи своего отца нашла для мужа хорошее место в британской страховой компании в Бельгии. Так они покинули Батавию и отправились в Брюссель, где у них и родилась дочь Одри. Зарегистрировали её, кстати, в британском вице-консульстве, поскольку её отец имел британское гражданство.

> Я наполовину ирландка, наполовину голландка, а родилась в Бельгии. Если бы я была собакой, то во мне было бы намешано чертовски много разных пород.

Первые годы Одри Хепбёрн прошли в атмосфере постоянных скандалов.

Ни Джозеф, ни Элла не могли похвастаться мягкостью и терпимостью, к тому же они оба обладали бурным темпераментом. Поэтому их ссоры всегда проходили очень шумно, и позже Одри вспоминала, что при первых звуках близящегося скандала она тут же пряталась под обеденный стол, где и пережидала очередную «грозу». Возможно, именно эти болезненные детские впечатления и стали причиной того, что, повзрослев, она сама никогда ни на кого не повышала голос.

Но в целом её детство было совершенно обычным, не хуже, чем у других детей. Она часто бывала в поместье у бабушки с дедушкой, играла со сводными братьями и слугами, да и родители, когда не ссорились, занимались воспитанием детей, причём на удивление успешно.

Одри, как это часто бывает, больше любила красивого яркого отца, который не обращал на неё особого внимания, чем строгую мать, прививавшую ей дисциплину и трудолюбие. Повзрослев, она с грустью вспоминала, что ей очень не хватало материнской теплоты. Элла делала для детей всё, что могла, но ласку они от неё видели не часто, а ведь это было именно то, в чём Одри особенно нуждалась. Она настолько была переполнена

нереализованной нежностью, что тискала всех животных и маленьких детей, которые ей встречались, и даже пыталась взять себе младенцев, оставленных в колясках.

> Мать очень любила меня, но она часто не умела показать мне эту свою любовь. И у меня не было никого, кто мог бы просто приласкать меня.

В мае 1935 года отец Одри ушёл из семьи.

Для неё это стало страшным ударом. «Я была совершенно сломлена, — вспоминала она позже. — Я проплакала несколько дней подряд, развод родителей был первым ударом, который я пережила в детстве… Я боготворила своего отца и очень скучала по нему с того самого дня, как он ушёл. Расставание с отцом в возрасте каких-нибудь шести лет ужасно. Если бы я могла время от времени встречаться с ним, я бы чувствовала, что он любит меня. Но в той ситуации мне оставалось лишь постоянно завидовать другим, у которых были отцы, и я всегда возвращалась домой в слезах, потому что у них был папа, а у меня его не было».

Как и первый развод Эллы ван Хеемстра, её разрыв с Джозефом тоже окутан тайной. Почему они расстались, никто так и не узнал, поэтому строилось немало предположений. Биографы писали, что Джозеф начал спиваться, что он растратил большую часть состояния жены, ну и наконец, искали причину в его политических взглядах.

Дело в том, что Джозеф Растон открыто сочувствовал нацистам. И первое время Элла его в этом поддерживала, существует даже подписанная её именем статья о «зове фашизма». Но она довольно скоро разочаровалась в идеях национал-социализма.

Как бы то ни было, они с Джозефом развелись и больше не встречались.

> Я была довольно печальным ребёнком, тихим и скрытным. Больше всего я любила играть в одиночестве. Мне хотелось, чтобы меня кто-нибудь понимал.

В 1939 году мать записала Одри в балетный класс.

Танцами она увлекалась давно — ещё в раннем детстве стоило зазвучать музыке и Одри принималась танцевать. Поэтому в балетный класс она пошла с радостью, занималась там легко и с удовольствием, чего нельзя было сказать об её учёбе в школе. «Мне нравились девочки и учителя, но сам процесс обучения в классе не нравился никогда, — вспоминала она. — Я была очень активной и не могла часами сидеть за партой. Мне нравилась

история, мифология и астрономия, но я по-настоящему ненавидела всё, что было связано с арифметикой. Школа казалась мне скучной, и я была рада, когда всё это наконец закончилось».

Танец стал для застенчивой Одри средством самовыражения и даже в какой-то степени образом жизни. Она не переставала заниматься балетом даже во время немецкой оккупации — пока у Эллы были деньги, чтобы оплачивать уроки, к ним приходила учительница; когда денег не стало, Одри сама начала давать уроки младшим девочкам.

Занятия балетом сформировали знаменитую фигуру Одри Хепбёрн — тонкую, стройную, гибкую и в то же время аристократически прямую. Её грация, её великолепная осанка — всё это тоже результат многолетних занятий балетом.

Одри видела себя в будущем знаменитой балериной, и понадобилось много лет и много разочарований, чтобы она отказалась от этой мечты.

> Я хотела танцевать сольные партии. Я страшно хотела исполнять эти роли потому, что они дали бы мне возможность выразить себя. Но у меня не было такой возможности, когда я стояла в ряду из двенадцати других девочек и должна была синхронизировать свои движения с их движениями. А я не желала ни под кого подстраиваться. Я хотела сама добиться своей славы.

В мае 1940 года Голландию заняли германские войска. Одри оказалась в оккупации.

А ведь летом 1939 года они с матерью отдыхали в Англии у родственников и с началом войны могли остаться там. Но Элла была уверена, что нейтральной Голландии ничего не грозит, и вернулась на родину, где поселилась в городе Арнеме. Это было её большой ошибкой, да и не только её — никому из семьи ван Хеемстра не пришло в голову уехать из страны.

Они довольно быстро поплатились за своё легкомыслие — вскоре после оккупации их счета были арестованы, а ценности конфискованы. Никогда не знавшие материальных проблем, ван Хеемстры оказались на грани нищеты. Но на этом их несчастья не закончились: вскоре один из братьев Одри был схвачен и отправлен в лагерь за связь с Сопротивлением, другой оказался в плену, и о нём до конца войны ничего не было известно, а дядя и два кузена попали в облаву и были расстреляны.

Одри вспоминала, что жила в то время в постоянном иррациональном страхе: «Я не боялась, не попаду ли я, как многие молодые девушки и женщины, в дома, предназначенные для „развлечения“ германских офицеров и других мужчин. И я не

знала, не заберут ли меня на день или на неделю на уборку или на полевую кухню. Я знала лишь, что мне двенадцать лет и мне страшно».

> Второе страшное воспоминание детства после исчезновения отца — это мама, которая входит ко мне в спальню однажды утром, отдёргивает шторы на окнах и говорит: «Вставай, началась война».

После начала оккупации Элла велела дочери забыть имя Одри. Теперь её звали Эддой.

В школу её устроили под именем Эдды ван Хеемстра, подделав документы. Кроме того, ей было запрещено говорить по-английски. «Меня никогда не звали Эдда ван Хеемстра, — рассказывала впоследствии Одри. — Это имя было только для школы. Мама считала, что во время немецкой оккупации разумнее иметь голландское, а не английское имя».

Это не было простой причудой — у Эллы были серьёзные основания бояться за дочь, ведь Одри ещё при рождении была записана британской подданной. Если бы это выплыло наружу, она имела бы все шансы оказаться в лагере, несмотря на свой юный возраст.

Однако у страха и репрессий был и обратный эффект — после всех несчастий, обрушившихся на их семью, даже осторожная Элла, ещё несколько лет назад сочувствовавшая нацистам, стала помогать Сопротивлению.

По иронии судьбы, как раз в мае 1940 года, когда Германия оккупировала Голландию, отец Одри, британец Джозеф Хепбёрн-Растон, был арестован в Англии за «связь с представителями вражеского государства». Для этого были серьёзные основания — Джордж занимал пост директора контролируемого нацистами агентства новостей, да и своих профашистских взглядов он никогда не скрывал.

Вот так родители Одри фактически оказались по разные стороны баррикад…

> В те дни я часто говорила себе: если это когда-нибудь закончится, я никогда больше не буду ворчать и капризничать, я буду всем довольна.

В годы оккупации Одри давала частные концерты, чтобы собрать деньги для Сопротивления.

Продолжать заниматься балетом было всё сложнее — не было денег уже не только на учителей, но и на специальную обувь. Элле пришлось сшить для дочери туфли из обрезков фетра.

«Туфли не давали той поддержки, которую обеспечивают настоящие балетные туфли, — рассказывала Одри. — Но для моих молодых пальчиков они были в самый раз».

В этой самодельной обуви она и выступала перед публикой. «Я сама придумывала себе танцы. У меня была подруга, которая играла на фортепиано, а мама шила мне костюмы. Всё это было чистым любительством, но в то время у людей совсем не было развлечений. Они с радостью пользовались возможностью послушать музыку, — вспоминала потом Одри, как всегда стесняясь и принижая собственные заслуги. — Концерты проходили в частных домах, окна и двери плотно закрывали. Никто снаружи не догадывался, что происходит внутри. После концерта мы собирали деньги и передавали их голландскому подполью».

Это было рискованное занятие, за такое и она, и участвовавшие в этом другие девочки, могли жестоко поплатиться. Публика тоже рисковала, собираясь на эти концерты, — подобные многолюдные сборища были запрещены. Поэтому представления проходили в тишине, зрители даже не аплодировали, чтобы не привлечь внимание немецкого патруля. Впрочем, юные артистки и так знали, что их ценят, — ведь чтобы посмотреть на них, зрители рисковали жизнью.

> Это была лучшая публика в моей жизни, хотя в конце выступления не раздавалось ни звука.
>
> Я хотела танцевать сильнее, чем боялась немцев.

Участие Одри в делах подполья не ограничивалось сбором денег.

Она помогала распространять антифашистские листовки и копии нелегальных передач «Би-Би-Си» и подпольных голландских радиостанций. Поскольку детей меньше подозревали, они выступали в качестве связных — Одри и другим юным артисткам обычно передавали записки во время концертов, они прятали их в туфли, а потом где-нибудь в автобусе или в парке передавали по назначению.

Это занятие было куда опаснее тайных концертов, но когда спустя много лет у Одри спрашивали, как она решалась на такой риск, она только удивлялась: «Для голландских детей было совершенно естественно рисковать, чтобы спасти подпольщиков».

Это была не игра, ей на самом деле приходилось смотреть в лицо смерти. Один раз она едва не погибла по чистой случайности — попала в облаву и только чудом сумела сбежать. В другой раз её едва не схватили в Арнемском лесу, куда она ходила, чтобы передать инструкции английскому парашютисту.

Она всё выполнила, но на обратном пути её остановил немецкий патруль и спросил, что она тут делает. Требовалось хорошее самообладание, чтобы не запаниковать, но Одри после трёх лет оккупации уже привыкла к железной самодисциплине, поэтому изобразила, что не понимает по-немецки, и подарила солдатам цветы, которые собирала в лесу. Те улыбнулись и пропустили эту милую безобидную девочку, смотревшую на них такими искренними невинными глазами…

> У детей есть одно свойство, которое делает их счастливыми. У детей есть только друзья. У детей не бывает врагов.

От голодной смерти Одри спас расстрел её дяди.

В 1944 году после неудачного наступления англичан немцы почти разрушили Арнем и отобрали у жителей всю провизию. «Мы несколько дней шли, не имея никаких продуктов, — рассказывала Одри, — а потом оказались в доме, где не было ни света, ни тепла… Очень долго нам было нечего есть, кроме луковиц тюльпанов. Беженцы шли сплошным потоком, люди приходили к нашим дверям, прося пищи и крова. Человеческие страдания были невыносимы… Мы приютили сорок человек, но пищи у нас не было, и им пришлось уйти».

Она вспоминала, что весила в то время сорок пять килограммов при росте в 1 метр 69 см. Она страдала от малокровия, ноги у неё распухли, а вдобавок ко всему она ещё и заболела желтухой.

Безжалостная статистика говорит, что не меньше трёх тысяч беженцев из Арнема умерли от голода. В декабре 1944 года такая же участь грозила и Одри. «Утром 24 декабря сестра моей матери сказала, что в доме не осталось ни крошки, — рассказывала она. — Я слышала, что чувство голода притупляется во сне. Тогда я решила проспать Рождество, но для этого сначала нужно было подняться в мою комнату. Я попыталась, но мне не удалось — я была слишком слаба».

Спасли их консервы, принесённые человеком из Сопротивления. Позже они узнали, что такие посылки получили семьи казнённых немцами заложников. По злой иронии судьбы Одри и все остальные остались живы благодаря её дяде, расстрелянному после нападения подпольщиков на немецкий отряд.

> Мы потеряли всё — наши дома, наше имущество, наши деньги. Но мы не сдались. Мы сумели сохранить жизнь — и это было главным.

Одри Хепбёрн вспоминала, что свобода пришла к ней «с запахом английского бензина и английских сигарет».

4 мая 1945 года она увидела входящих в город английских солдат и, несмотря на то, что была еле живой от голода и болезни, выбежала на улицу. «Я вдохнула запах их бензина, словно это были драгоценные духи», — рассказывала она. Солдаты угостили её сигаретой и шоколадкой, и с тех пор она на всю жизнь сохранила страсть к курению и шоколаду.

Сигареты вообще в то время сыграли в жизни Одри особую роль. В разорённой Голландии они были универсальной валютой — их можно было обменять на что угодно или продать на чёрном рынке за большие деньги. Поэтому, когда Элла ван Хеемстра в отчаянии написала своему старому другу, англичанину Майклу Берну, что её дочь больна, а денег на лекарства нет, он прислал ей сигареты. Она продала их и на вырученные деньги купила пенициллин для Одри. Кстати, сам Берн тоже был многим ей обязан — когда он был в немецком концлагере, Элла присылала ему продукты через Красный Крест. Теперь он расплатился тем, что помог спасти жизнь Одри.

К счастью, уже в июне в Голландию начала поступать гуманитарная помощь, и призрак голода отступил. Вскоре вернулись её братья, Элла нашла работу — жизнь постепенно налаживалась.

> Пока у ребёнка есть определённый минимум, он совершенно счастлив. Я помню, что нам бывало очень весело. Мы не сидели на полу и не плакали пять лет подряд.

В 1946 году Одри растолстела до шестидесяти восьми килограммов.

В этом не было ничего удивительного — после голода, болезней и постоянных стрессов она, как и многие другие люди, дорвавшись до еды, просто не могла остановиться. Она вспоминала, например, что однажды съела целую банку сгущёнки, а потом заболела от одного из блюд гуманитарной помощи, потому что насыпала слишком много сахара в овсянку.

К тому же ситуация усугублялась свалившейся на неё депрессией. После жизни в страхе, напряжении и ожидании она вдруг оказалась без цели в жизни (раньше таковую заменяла мечта о победе) и без понимания, что же делать и как жить дальше. Очень тяжёлая ситуация даже для взрослого человека, а уж тем более для подростка.

«Я пережила годы войны, не имея пищи, денег, книг, музыки и одежды, — вспоминала она впоследствии. — Потом я начала

есть всё, что попадалось мне на глаза, особенно шоколад. Я стала толстой, как воздушный шар, и очень некрасивой».

Справиться с депрессией ей помог балет. Сразу, как только она смогла вновь оплачивать уроки, она начала заниматься танцами под руководством известной преподавательницы Сони Гаскелл. Но вскоре Соня вынуждена была закрыть школу и уехать. Однако она предложила порекомендовать Одри своей знаменитой лондонской коллеге Мари Рамбер. Но для того чтобы продолжать заниматься балетом, нужно было срочно сбросить вес. Сказано — сделано, через несколько месяцев Одри весила 55 килограммов и была готова ехать в Лондон.

> Я часто испытываю депрессию и неудовлетворённость собой. Можно даже сказать, что в некоторые моменты я себя просто ненавижу. Я всегда была слишком толстой, или слишком высокой, или просто считала себя слишком уродливой. Я не могла справиться со своими проблемами и не могла легко общаться с людьми.

Первый раз Одри попробовала себя в качестве актрисы ещё до отъезда из Голландии.

Произошло это случайно — компания «KLM» в целях рекламы решила снять документальный фильм «Голландский за семь уроков» («Nederlands in 7 Lessen»). Это была, так сказать, документальная комедия об операторе, путешествующем по Голландии и снимающем её достопримечательности. Голландская версия была длиной в 79 минут, английская — в 39.

На роль стюардессы им потребовалась девушка, которая одинаково хорошо владела бы голландским и английским, и они взяли Одри. Вероятно, получить эту роль ей помогла Элла, у которой были связи в руководстве авиакомпании, ведь сама Одри в то время не испытывала к кино особого интереса. Но она в то время старалась воспользоваться любой возможностью подработки и с радостью согласилась.

Одри там переходит дорогу, привлекает внимание оператора, который останавливает её и расспрашивает, кто она такая. Она говорит, что стюардесса, красуется в форме на фоне самолёта и закадрового рассказа об авиакомпании, а потом предстаёт в мечтах оператора в романтическом образе — с лютней в руках и пером в волосах.

По словам одного из постановщиков, Хайнца Иозефсона, «она была весела, очаровательна, мила… она светила, как яркое солнышко». И любой поклонник Одри Хепбёрн при желании может убедиться в правоте этого отзыва, посмотрев в Интернете

отрывок с её участием.

> Я не часто ходила в кино. А во время оккупации я просто перестала туда ходить. Ведь показывали только немецкие фильмы.

В 1948 году Одри с матерью перебрались в Лондон.

Именно тогда она решила отказаться от фамилии отца и сохранить лишь ту её часть, которая была девичьей фамилией прабабушки. Так она из Одри Растон стала Одри Хепбёрн.

Они с Эллой сняли квартиру в Лондоне, Одри приняли в школу Мари Рамбер, но чтобы оплачивать квартиру и уроки, им обеим пришлось много работать. Впрочем, совсем беспомощными они не были — Элле помогал её старый друг, состоятельный голландец Пауль Рюкенс, давно перебравшийся в Англию. Однако говорить, что он их полностью обеспечивал, было бы опрометчиво. Сама Одри так вспоминала о первых годах жизни в Лондоне: «Денег постоянно не хватало, хотя я бралась за любую мелкую работу… Мой первый урок начинался в десять утра, а последний заканчивался в шесть вечера. У меня была работа, работа, работа — весь день и почти всю ночь… Уроки танцев превратились для меня в самое изматывающее занятие, какое только можно придумать».

Элла, по разным сведениям, работала в отеле, в цветочном магазине, экономкой в богатом доме, сопровождала туристов. Одри фотографировалась для торгового каталога, переводила документы и подрабатывала секретарём в туристической фирме, рекламировала шляпки, мыло и шампуни. Но увы, она всё лучше понимала, что её мечте стать великой балериной сбыться не суждено.

> У меня почти не было настоящей юности — очень немного друзей, совсем мало радости в том смысле, в каком её понимают подростки, и совершенно отсутствовало ощущение собственной безопасности. Удивительно ли то, что я стала таким замкнутым человеком?

В октябре 1948 года Одри Хепбёрн рассталась с мечтой о балете.

В школе Мари Рамбер ей пришлось нелегко — мадам была очень жёсткой преподавательницей и по воспоминаниям учеников за неправильную позицию могла хлестнуть стеком прямо по рукам. После её занятий одни рыдали, другие давали ей прозвища, но все вынуждены были терпеть, потому что она была

настоящим мастером своего дела. Одри тоже долго терпела и резкие замечания, и всё остальное, потому что, как она сама говорила: «Моей мечтой было надеть пачку и выйти на сцену Ковент-Гарден».

Но в конце концов ей пришлось смириться с жестокой реальностью. Она была слишком высокой для балерины и начала заниматься танцами слишком поздно. Осенью 1948 года Мари Рамбер сказала ей об этом прямо и посоветовала попытать счастья в музыкальном театре или стать преподавательницей.

«Моя техника не шла ни в какое сравнение с техникой тех девушек, которые пять лет учились в „Сэддлерс Уэллс“, за учёбу которых было кому платить, у которых всегда были пища и бомбоубежища, — с горечью вспоминала Одри. — Здравый смысл подсказывал, что в балете мне успеха не добиться. И всё же я продолжала считать, что участие в мюзиклах ниже моего достоинства». Здравый смысл всё же возобладал — в октябре 1948 года Одри покинула общежитие балетной школы в Кенсингтоне и занялась поисками работы в театре.

> Меня научили тому, что привлекать к себе внимание — признак дурных манер. Никогда не следует выставлять свои чувства напоказ.

22 декабря 1948 года Одри Хепбёрн дебютировала на сцене.

Её первая роль, если можно так назвать участие в кордебалете, была в мюзикле «High button shoes» (один из вариантов перевода — «Высокие ботинки на пуговицах»). Эта комедия уже два сезона успешно шла на Бродвее, и ей прочили большое будущее в Лондоне, поэтому можно сказать, что Одри повезло — её отобрали в постановку. Тем более что у неё совсем не было опыта, а платили там вполне прилично — около восьми фунтов в неделю.

В театре ей пришлось тяжело. «Когда меня выбрали, я не могла отличить одной синкопы от другой, — рассказывала она. — Мне приходилось работать гораздо напряжённее, чем остальным девушкам». К тому же её голос был слишком слабым для сцены, и ей пришлось много заниматься, чтобы он прибрёл необходимую звучность.

Но все старания Одри были почти впустую — никто её особо не заметил, ни в одной рецензии её не упомянули. Надежду внушало лишь то, что после окончания лондонских представлений в мае 1949 года продюсер Сесиль Лэндо пригласил её в другой мюзикл — «Соус Тартар». Обдумав всё, Одри отказалась ехать с «Высокими ботинками на пуговицах» на гастроли и приняла предложение Лэндо, ведь он предлагал ей

хоть небольшую, но роль, и даже со словами, а не только танцы в толпе других девушек. Это было правильным решением — «Соус Тартар» выдержал больше четырёхсот представлений, и в нём Одри наконец заметили и критики, и зрители.

> Я была очень честолюбивой и использовала любую возможность. Я хотела учиться, и я хотела, чтобы меня заметили.

Участвуя в «Соусе Тартар», Одри Хепбёрн впервые влюбилась.

Её избранником стал партнёр по сцене, молодой французский певец Марсель Ле Бон. Отношения у них поначалу были вполне серьёзные — во всяком случае, Элла уже почти смирилась с мыслью, что её зятем станет певец кабаре. Радовало её лишь то, что молодые люди не спешили связывать себя узами брака, и можно было надеяться, что первая влюблённость скоро сойдёт на нет.

Но вот Сесиль Лэндо в отличие от неё очень возражал против этого романа. Он напомнил Одри, что если их с Ле Боном отношения станут известны публике, ей это может стоить карьеры. И для такого заявления у него были все основания. Всё-таки не стоит забывать, что как раз заканчивались ханжеские 40-е и начинались ещё более ханжеские 50-е. Мужчина мог заводить сколько угодно интрижек, обществом это не возбранялось, если он при этом не разрушал семью. Тогда как женщина могла из-за одной интрижки потерять репутацию и навсегда остаться с клеймом распутницы.

Одри приняла это к сведению, и они с Ле Боном стали встречаться очень осторожно. А там и надежды Эллы оправдались — после того, как Лэндо устроил Одри подрабатывать ещё и в кабаре, она стала возвращаться лишь под утро, и Ле Бон быстро переключился на другую, менее занятую девушку. Впрочем, чувства Одри к нему уже тоже остыли, и она восприняла расставание спокойно.

> Я на полпути к тому, чтобы стать танцовщицей и актрисой. Мне нужно учиться.

Игра Одри в «Соусе Тартар» и его продолжении — «Пикантном соусе» стала привлекать внимание режиссёров и продюсеров.

Её запомнили зрители, о ней начали писать критики, и наконец на неё обратили внимание люди из мира кино. Сама она вспоминала об этом времени с некоторым недоумением, считая, что пресса незаслуженно уделяла ей слишком много внимания. Но она всегда была излишне самокритична.

Партнёр Одри по сцене, Боб Монкхаус, в будущем известный комик, рассказывал: «Её внешность была столь прелестна, что у вас перехватывало дыхание, когда она улыбалась и взмахивала ресницами». А одна из танцовщиц высказалась более резко, но не менее конструктивно: «У меня была самая большая грудь в кордебалете, а все смотрели на девицу, у которой её вообще не было!» Кстати, сама Одри как раз очень комплексовала из-за своих скромных форм и имитировала бюст при помощи подкладок из свёрнутых носков.

В это же время Одри успешно делала карьеру и в рекламном бизнесе. Успех шоу и помощь Лэндо, старавшегося везде продвигать своих артистов, чтобы их запомнили, помогли ей познакомиться с хорошими фотографами, и вскоре её снимки стали украшать многие известные журналы.

Очарование Одри Хепбёрн, которому предстояло покорить весь мир, постепенно набирало обороты.

> Всё, что я делала на сцене, сводилось к тому, что я просто размахивала руками и улыбалась, но как-то так получалось, что обо мне упоминали газеты.

В 1950 году Одри Хепбёрн начала карьеру киноактрисы, снявшись в фильме «Зёрнышко дикого овса».

Роль, конечно, была эпизодическая, Одри провела на экране всего несколько секунд и сказала лишь пару фраз. Зрители не обратили на неё почти никакого внимания, зато её заметили на студии. Возможно, дело было в её природном обаянии, а может быть, этому способствовало и то, что она брала уроки актёрского мастерства у талантливого педагога Феликса Эйлмера.

Кстати, именно с его подачи её приглашали на пробы нескольких фильмов, среди которых был голливудский блокбастер «Камо грядеши». Причём там она настолько понравилась режиссёру, что он вполне серьёзно настаивал, чтобы её взяли на главную роль. Если бы киностудия не побоялась брать неизвестную актрису, слава могла бы прийти к Одри Хепбёрн на пару лет раньше.

А пока она снималась в эпизодических ролях — за «Зёрнышком дикого овса» последовали «Смех в раю», «Банда с Лавендер-хилл», «Рассказы молодых жён» и «Дитя Монте-Карло». И хотя она сама говорила о своих первых фильмах, что «даже если сложить их все, то материала не наберётся и на одну крохотную роль», своё дело они сделали — Одри заметили и стали рассматривать как реальную претендентку на более серьёзные роли. Одним из первых её оценил продюсер фильма «Банда с Лавендер-хилл» Майкл Бэлкон, но пока он раздумывал,

не предложить ли ей контракт, это уже сделала другая кинокомпания.

> Я предпочитала молчать до тех пор, пока мне не будет что показать, вместо того чтобы навязываться публике, видевшей лишь те крохотные роли, которые я успела сыграть.

Первый контракт с «Ассошиэйтед Бритиш пикчер корпорейшн» (АВРС) Одри Хепбёрн заключила, ещё играя в «Пикантном соусе».

Что такое контракт с кинокомпанией в те времена? Это постоянный договор, по которому актёры получали некий постоянный оклад на какой-то период времени, за который они обязаны были сниматься в предложенных картинах и не имели права работать у кого-нибудь другого. Если актёр не становился известным, его контракт был убыточным, но если он вдруг выходил в звёзды, студия сдавала его «в аренду» другим кинокомпаниям за огромные деньги, тогда как он сам продолжал получать всё ту же сумму, что записана в контракте.

Особенно жёсткие контракты были в США, там киностудия могла вмешиваться в личную жизнь актёра, заставлять его перекрашивать волосы (как было с Мэрилин Монро), вставлять зубы, делать пластические операции. Нельзя было ни выйти замуж, ни развестись без одобрения киностудии. Это было практически крепостное право. В Англии условия были помягче, но тоже сильно ограничивали свободу.

Одри была ещё совсем неопытной актрисой, но что-то такое она всё же подозревала, поэтому подписала договор только на три фильма. Если бы она прославилась одним из них, она могла бы в дальнейшем обойтись без постоянного контракта и заключать с киностудиями договор на каждый фильм по отдельности. Увы, АВРС не дала ей возможности проявить себя, и после трёх крошечных ролей она оставалась всё такой же неизвестной актрисой.

> Моё главное стремление состоит в том, чтобы сделать карьеру и не стать при этом карьеристкой.

После фильма «Банда с Лавендер-хилл» на АВРС предложили Одри Хепбёрн продлить с ними контракт.

Ей очень не хотелось этого делать, но особого выбора у неё не было — звездой она пока не стала, а получать роли без контракта было почти нереально, поскольку студии предпочитали работать с теми, кто связан с ними договором. Поэтому она согласилась на продление контракта, и как поначалу казалось — не зря, потому

что вскоре её пригласили на пробы в политическом триллере «Засекреченные люди».

Роль была буквально создана для Одри — сестра главной героини, юная танцовщица, подкупающая своей невинностью. Но препятствием вновь едва не стал её слишком высокий рост — режиссёр не хотел, чтобы она возвышалась над своей «старшей сестрой». Помогла Валентина Кортезе, игравшая главную героиню, — она предложила Одри разуться и пообещала вставать на цыпочки, чтобы казаться выше рядом с ней.

От неё же Одри получила совет (который потом называла «лучшим советом в мире»), подтвердивший то, что подсказывала ей интуиция. Когда журналисты приехали брать интервью у актёров, Кортезе сказала: «Мы должны иметь право на личную жизнь. В Голливуде же настоящий ужас. Здесь ожидают от тебя того, что ты станешь рабыней, тебе нужно быть готовой выполнить любое требование в любой момент, и не только тогда, когда ты снимаешься в фильме. — И, повернувшись к Одри, добавила: — Хорошо подумай, прежде чем ты решишь подписать долгосрочный контракт. Свобода — вот самая чудесная вещь на свете».

> Моя личная жизнь должна принадлежать только мне.

Вскоре после подписания контракта с ABPC Одри Хепбёрн познакомилась с миллионером и плейбоем Джеймсом Хэнсоном.

Он имел репутацию любителя красивых женщин, ходили слухи о его романах с Авой Гарднер, Джин Симмонс и Джоан Коллинз. Никто не ожидал, что он вдруг остепенится, но это почти произошло, когда он встретил Одри.

Возможно, познакомься они немного раньше, и в мире никогда не появилось бы кинозвезды по имени Одри Хепбёрн. Их роман вспыхнул очень быстро, у обоих были серьёзные намерения, и не будь Одри связана контрактом, по которому должна была сыграть ещё в нескольких фильмах, она наверняка вскоре вышла бы за Хэнсона замуж и оставила кино. Немало артисток меняли карьеру на выгодный брак, а уж у неё для этого были все предпосылки: она хотела семью и детей, была по-настоящему влюблена в Хэнсона, а будучи воспитана в семье барона, легко могла взять на себя роль светской дамы и супруги бизнесмена. Да и Элла ван Хеемстра была рада, что её дочь нашла такого отличного жениха — красивого, богатого и из хорошей семьи.

Но работа оставляла Одри не слишком много времени для личной жизни, а уж после того, как её наконец заметили и

пригласили играть сначала на Бродвее, а потом в Риме, и вовсе стало ясно, что свадьба откладывается на неопределённый срок.

> Когда-нибудь я просто влюблюсь и выйду замуж, и это не будет иметь никакого отношения к моей карьере.

Первая серьёзная роль славы Одри Хепбёрн не принесла — фильм «Засекреченные люди» был принят публикой холодно.

Саму Одри, пожалуй, в основном хвалили, её Нора получилась очень живой и естественной. Журналисты писали: «В Одри Хепбёрн красота сочетается с талантом, особенно ярко проявившимся в двух коротких танцевальных сценах». Но зрителей оттолкнула непонятная фаталистическая мораль фильма, из-за которой они не смогли проникнуться симпатией к главной героине и её сестре.

Однако работа в «Засекреченных людях» дала Одри необходимый актёрский опыт и избавила от многих иллюзий. Теперь, когда она играла большую роль, а не крохотный эпизод, она воочию увидела, что такое работа киноактёра — дубли, дубли и ещё раз дубли. Всё снималось крохотными частями, даже танцевальные номера, а перфекционист-режиссёр требовал повторять каждый дубль до тех пор, пока всё не получится идеально. «Я готова была завопить, — рассказывала Одри, — слыша снова и снова повторения всё той же полудюжины тактов».

К тому же, рекламируя фильм, кинокомпания активно эксплуатировала её красоту и свежесть, поэтому её фотографии замелькали во многих журналах, и это, конечно, принесло свои плоды. Пусть фильм и не удался, но Одри Хепбёрн наконец-то многие заметили и запомнили.

> Я работала за деньги, потому что мне это было необходимо. Но мне повезло, я выбрала профессию, которая мне нравится.

В 1951 году карьера Одри Хепбёрн стремительно рванула вперёд.

По иронии судьбы толчком для этого стало участие Одри в слабеньком фильме «Дитя Монте-Карло», снимавшемся сразу на двух языках (английском и французском) и на обоих провалившемся в прокате. Она даже не хотела в нём сниматься и согласилась лишь потому, что, во-первых, ей обещали оставить платье от Диора, в котором она должна была играть, а во-вторых, потому что съёмки должны были проходить на тёплом средиземноморском побережье.

Хоть роль и была небольшой, работа оказалась нелёгкой —

Одри ужасно уставала вызывать в себе необходимые эмоции сначала для дублей на одном языке, потом на другом. К тому же она скучала по Джеймсу Хэнсону и мечтала поскорее вернуться в Лондон.

Но в один прекрасный день в обеденную залу Отеля де Пари, где снимали очередную сцену, вкатили инвалидную коляску, в которой сидела хрупкая старушка с проницательным взглядом. Это была не кто иная, как гостья принца Монако, легендарная Колетт — классик французской литературы и одна из самых знаменитых женщин века.

Колетт была фигурой на самом деле знаковой — артистка и писательница, звезда Прекрасной эпохи, она сменила много мужей и любовников, написала полсотни романов, которые экранизируются до сих пор, занималась благотворительностью, дружила с королями и элитой мировой богемы. Она всегда получала то, что ей было нужно. И сейчас ей нужна была Одри Хепбёрн.

> Одни люди «взрывные», а другие — нет. Говорят, что вредно всё хранить в себе, но если вы выплёскиваете это наружу то потом вам приходится перед всеми извиняться… Мне кажется, что я должна свои эмоции выпускать через уши.

Колетт предложила Одри Хепбёрн сыграть главную роль в бродвейском спектакле по её роману «Жижи».

Это было просто феерическое предложение для начинающей актрисы. Правда, сама Одри сомневалась в своих способностях, да и подходящего сценического опыта у неё фактически не было — в Лондоне она ведь была танцовщицей, а не драматической артисткой.

Но всё это уже не имело никакого значения — Колетт нашла свою Жижи и не собиралась отказываться от неё из-за каких-то девичьих сомнений. Она слишком долго её искала, видела подходящие черты в разных девушках, но ни одна из них не была способна играть на сцене. И тут такой подарок — случайно замеченная на пляже девушка идеально подходящего типа оказывается профессиональной актрисой, да к тому же ещё и свободной от других обязательств, а значит имеющей возможность через пару месяцев отправиться в США.

В Одри сразу же вцепились, с одной стороны, помощники Колетт, которые уже и не чаяли, что она наконец утвердит какую-нибудь актрису на главную роль, а с другой — представители ABPC, для которых это предложение было настоящим подарком судьбы, ведь статус бродвейской звезды сразу поднимал Одри в

цене. Быстренько провели пробы, и её почти не глядя утвердили на роль, решив, что все недостатки её игры, а также слишком слабый для театра голос можно исправить по ходу репетиций.

> Я пыталась объяснить этим людям, что не готова к главной роли, но они не слушали меня. И я не стала переубеждать их.

Но не успела Одри Хепбёрн отплыть в Америку, как ей сделали новое, ещё более блистательное предложение.

В июле 1951 года ей позвонил Роберт Леннард — режиссёр, который год назад первым обратил на неё внимание и убедил ABPC подписать с ней контракт. Он сказал, что компания «Парамаунт» хочет попробовать её на главную роль в новом фильме, действие которого будет происходить в Риме.

Конечно, в тот момент никто ещё и представить себе не мог, какая оглушительная слава ждёт этот фильм со скромным названием «Римские каникулы». Но в любом случае главная роль, да ещё и в картине такой крупной знаменитой киностудии была для Одри настоящим подарком судьбы. Тем более что режиссёром был назначен дважды лауреат «Оскара» Уильям Уайлер, а главную мужскую роль должен был играть блистательный Грегори Пек.

Как её умудрились выбрать на роль, которую прочили таким звёздам, как Элизабет Тейлор и Джин Симмонс? Похоже, это был результат того самого счастливого случая, о котором мечтает каждый человек. Пока искали актрису, в фильме дал согласие сниматься Грегори Пек, который потребовал права самому утвердить партнёршу. Тем временем на глаза Уайлеру, просматривавшему европейских актрис (он хотел, чтобы у принцессы был лёгкий акцент), попался журнал с фотографией Одри, он заинтересовался, заказал кинопробу, они с Пеком её посмотрели и решили, что девушка — как раз то что нужно.

> Моя карьера остаётся для меня загадкой. Я не перестаю удивляться с самого первого дня. Я никогда не собиралась быть актрисой, никогда не думала, что буду сниматься в кино. Я даже не предполагала, что всё может сложиться так, как сложилось.

«Парамаунт» выкупил Одри Хепбёрн у ABPC за огромную сумму в полмиллиона долларов.

Плюс они имели право на часть дохода от всех фильмов с ней, которые будут сняты на студии «Парамаунт». Для сравнения — сама она получила за съёмки в «Римских каникулах» всего

около десяти тысяч (раз в двадцать меньше, чем, например, Грегори Пек).

По новому контракту Одри должна была сыграть у «Парамаунта» или в тех компаниях, которым её сдадут «в аренду» в семи фильмах, по одному в год. Плюс — в двух фильмах АВРС в качестве компенсации. «Парамаунт» имел право разорвать контракт, если в «Римских каникулах» Одри не оправдает возложенных на неё ожиданий. Она в свою очередь получала право в перерывах между фильмами работать в театре и на телевидении.

Не остались внакладе и постановщики «Жижи». Поскольку в июне 1952 года Одри должна была начать сниматься в Риме, а значит не могла продолжать играть в спектакле, ей пришлось согласиться принять участие в гастролях по Америке с «Жижи» сразу же по окончании съёмок «Римских каникул».

Фактически все эти многочисленные пункты и обязательства означали, что на молодую неопытную актрису делается разом столько ставок, что если она их не оправдает, её репутация будет полностью загублена, ведь тогда она подведёт сразу и американскую киностудию, и английскую, и бродвейских продюсеров. Кто тогда захочет иметь с ней дело?

Господи, помоги мне справиться со всем этим!

В конце октября 1951 года Одри отплыла на корабле в Нью-Йорк.

Ехать ей пришлось одной — и Джеймса, и её мать задержали важные дела. И хотя они довольно скоро должны были отправиться следом за ней, Одри, конечно, чувствовала себя очень одинокой и напуганной. Возможно, это и стало одной из причин того, что на корабле она налегла на еду и к концу пути набрала лишние семь килограммов. Другой причиной стало то, что она впервые с довоенных времён увидела столько еды — в Англии к тому времени часть продуктов продолжали продавать только по карточкам.

В общем, когда бродвейский импресарио Гилберт Миллер приехал её встречать, его ждал неприятный сюрприз. Анита Лоос, адаптировавшая «Жижи» для сцены, вспоминала: «Когда Гилберт увидел её, он был в ужасе. Он заключил контракт с эльфом, а получил упитанный пирожок». К счастью, это было поправимо — Одри немедленно посадили на диету, и к премьере спектакля она уже вновь была в прекрасной форме.

Куда сложнее было научить Одри играть на сцене. Тем более что вскоре в Нью-Йорк приехал Джеймс Хэнсон. Вдова режиссёра спектакля, Раймона Руло, вспоминала: «Первые восемь дней

работы с Одри были поистине чудовищны. Она играла из рук вон плохо, совершенно не понимая смысла текста, уходила из дома поздно вечером и приходила в театр рано утром страшно измученной…» Руло вынужден был поставить перед Одри ультиматум, и она скрепя сердце стала уделять меньше времени Хэнсону и больше репетициям.

> Я буду чувствовать себя совершенно счастливой, если проведу всё время с субботнего вечера до утра понедельника у себя дома.

Учить Одри Хепбёрн сценическому искусству взялась опытная актриса Кэтлин Несбит, которая должна была играть бабушку Жижи.

«В первые дни репетиций меня можно было услышать только с переднего ряда, — вспоминала Одри. — Но я работала день и ночь. Каждый вечер, приходя домой, я проговаривала слова текста чётко и громко».

Кэтлин в свою очередь рассказывала: «Одри ужасно трусила. Она не представляла себе, что такое фразировка. Она не умела играть и выходила на сцену, как перепуганная газель. Но Одри обладала одним уникальным качеством — она умела очаровывать публику. Когда она появлялась на сцене, все смотрели только на неё».

Уроки Кэтлин не прошли даром, и к премьере Одри уже вполне уверенно держалась на сцене, а её голос можно было услышать не только в первом ряду партера. Но гораздо важнее для неё оказалось совсем другое — дело в том, что в Кэтлин Несбит она обрела не только наставницу, но и друга. В какой-то степени та даже заменила ей мать — Элла много сделала для дочери, но вот чего от неё было трудно дождаться, так это теплоты и доброго слова. Посмотрев на Одри в «Жижи», она сказала только: «Ты играла очень хорошо, дорогая, учитывая то, что у тебя нет никакого таланта». Другое дело Кэтлин — она всегда готова была поддержать, подбодрить, помочь в трудную минуту, то есть она как раз восполняла то, чего Одри недополучала от родной матери.

Их дружба длилась много лет, до самой смерти Кэтлин.

> Поначалу я думала, какой головокружительный восторг буду испытывать, видя своё имя в огнях рекламы. Но это оказалось ничуть не похожим на успех в кордебалете. Остальные его участники могут помочь тебе. А когда ты в главной роли, ты можешь надеяться только на себя. И ты чувствуешь это.

Премьера «Жижи» прошла вполне успешно, отзывы критиков об игре Одри Хепбёрн были в основном положительные.

Саму пьесу при этом в основном ругали, спектакль находили вульгарным, но от Одри почти все были в полном восторге. Уолтер Керр из «Нью-Йорк Таймс» писал: «Она привносит простодушную невинность и остроумие подростка в роль, которая в иной ситуации могла бы стать неприятной». Ему вторил Брукс Аткинсон из «Нью-Йорк Таймс»: «Она создаёт живой и полнокровный образ, начиная с безыскусной неуклюжей девчонки в первом акте и до потрясающей кульминации в последней сцене. Перед нами великолепный пример настоящего сценического творчества — актёрского исполнения, которое отличается непосредственностью, ясностью и особым очарованием».

Находились, впрочем, и те, на кого очарование Одри не действовало, например драматург Ноэль Кауард записал в дневнике, что спектакль представлял собой «оргию преувеличений и вульгарности. Кэтлин Несбит хороша и величественна… Одри Хепбёрн слишком неопытна и довольно криклива, а спектакль в целом очень плохо поставлен». Но его голос утонул в хоре тех, кто полностью попал под неповторимое обаяние Одри Хепбёрн и уже не обращал внимания на недостатки её актёрской игры.

Гилберт Миллер тут же отреагировал на ситуацию — через несколько дней на афишах спектакля было написано уже не «„Жижи“ с участием Одри Хепбёрн», а «Одри Хепбёрн в „Жижи“».

> У меня дрожат колени, но на этот раз не от страха, а от счастья!

4 декабря 1951 года лондонская «Таймс» опубликовала объявление о помолвке Джеймса Хэнсона и Одри Хепбёрн.

На самом деле до свадьбы было ещё далеко — Одри полностью погрузилась в работу над ролью Жижи, потом ей предстояли долгие съёмки в Риме, а все личные дела она отложила до следующего года, когда закончит с «Римскими каникулами». Так что вряд ли это объявление её порадовало, она и так устала отбиваться от вопросов журналистов о своей личной жизни, а теперь их стало ещё больше.

К тому же вполне вероятно, что её чувства к Хэнсону в то время начали уже остывать. Если на съёмках в Монте-Карло она смертельно по нему скучала, то в Нью-Йорке, вкусив настоящий успех, она могла впервые заметить, что работа становится ей дороже жениха. Тем более что она чувствовала — он не ценит её достижений по достоинству и не видит, как многого она уже добилась. «Я полагала, что быть звездой Бродвея означает, что

тебя всюду будут приветствовать и поднимать в твою честь бокалы с шампанским. Но на самом деле со мной этого никогда не было. Я думала, что я буду вплывать в переполненные рестораны, и одной моей улыбки старшему официанту будет достаточно для того, чтобы мне нашли столик, — рассказывала она. И добавляла фразу, в которой мелькало что-то вроде затаённой обиды: — Но Джимми не хотел рисковать — он заказывал столик заранее».

Она всё ещё хотела за него замуж, но… уже не так сильно, как раньше. И уж чего она точно не хотела, так это выйти замуж, чтобы вскоре развестись.

> Я почувствую себя замужней только тогда, когда по-настоящему буду замужем. Я не желаю, чтобы кто-либо задавал мне вопрос: «Были ли вы замужем раньше?»

Готовясь к «Римским каникулам», Одри Хепбёрн познакомилась с Эдит Хэд — одной из величайших голливудских художниц по костюмам.

У Эдит было уже три «Оскара» за костюмы к фильмам, а впереди её ждали ещё пять (в том числе два за фильмы с Одри) и бесчисленное количество номинаций. Она из любой девушки могла сделать принцессу, а именно это сейчас и требовалось.

Одри сразу произвела на знаменитую модельершу самое лучшее впечатление. Та с первого взгляда оценила её прекрасную фигуру, манеру держаться и хороший вкус в выборе одежды.

«Эта девушка всегда шла впереди высокой моды. Она сознательно выглядела не так, как другие женщины. Она подчёркивала свою стройность, по праву считая её своим основным достоинством, — рассказывала Эдит. — Но самое глубокое впечатление на меня произвела её фигура. Я поняла, что она станет идеальным манекеном для любого моего костюма. Я чувствовала огромное искушение создать костюмы, которые затмят её. Я могла использовать её для демонстрации собственного таланта, но не сделала этого. Поверьте, это было нелегко. Я не раз думала об этом».

При этом надо заметить, что с Одри было не так уж легко работать — у неё на многое было своё собственное мнение. Так было и с костюмами — Одри настояла на том, чтобы Эдит Хэд внесла в них некоторые изменения. И удивительнее всего было то, что обычно деспотичная Эдит согласилась и признала, что эти изменения улучшают костюмы и делают их более подходящими для героини.

> Когда я была ребёнком, меня учили, что неприлично

привлекать к себе внимание и никогда нельзя выставлять себя напоказ… Именно то, чем я зарабатываю всю жизнь.

12 июня 1952 года Одри Хепбёрн вылетела в Рим на съёмки «Римских каникул».

«Жижи» торжественно закрыли после двух с лишним сотен спектаклей и сразу же анонсировали в сентябре гастрольный тур по стране. Ну а пока Одри и остальным членам съёмочной группы предстояло несколько ужасных недель в Риме.

Ужасными они были по нескольким причинам — тут и невообразимая жара, бьющая в том году все рекорды, и взяточничество итальянских чиновников, и толпы туристов, желающих поглазеть на Грегори Пека. Впрочем, воспоминания участников съёмок как нельзя лучше доказывают, что всё это ерунда, если есть хорошие отношения между людьми. Несмотря на сложности, почти все вспоминали о работе над этим фильмом с большим удовольствием.

«Пек всегда смешил меня перед началом съёмок, — рассказывала Одри. — Нам было хорошо вместе, никто не устраивал сцен, не возводил эмоциональных барьеров. Я очень скоро научилась расслабляться, полностью полагаясь на Пека и Уайлера. Я доверяла им, и они ни разу не обманули моего доверия».

Грегори Пек, в свою очередь, вспоминал: «В Одри не было ничего наносного или фальшивого. Она обладала счастливым характером и умела очаровывать людей. Она не была похожа на тех хищных, фальшивых, болтливых женщин, которых так много в кинобизнесе. Мне она очень нравилась. Я по-настоящему любил Одри. Её было очень легко любить».

> Мне очень повезло, что на меня обратил внимание Уильям Уайлер — после работы с ним я снималась в прекрасных фильмах, которые выбирала по собственному желанию. Я была бы сумасшедшей, если бы не делала этого.

После выхода фильма «Римские каникулы» ещё долго ходили слухи о романе между Одри Хепбёрн и Грегори Пеком.

Причина, конечно, была проста — они так органично смотрелись в роли влюблённых, что зрителям ужасно хотелось, чтобы это было на самом деле. Немало способствовало слухам и то, как хорошо они друг о друге отзывались, и тем более то, что Грегори Пек великодушно предложил, чтобы на афишах к фильму их имена поставили рядом, хотя по контракту его имя должно было стоять выше.

Слухи подогревали и два совпадения, которые по мнению публики никак не могли быть случайными — вскоре после «Римских каникул» Одри рассталась с Хэнсоном, а Грегори Пек развёлся с женой. Но, как ни странно, это действительно лишь совпадения. Брак Пека уже был на грани распада, а на съёмках он действительно нашёл женщину своей мечты, но это была не Одри, а журналистка Вероник Пассани, на которой он вскоре женился.

Что же касается Одри, то в Риме она даже купила свадебное платье, но, вернувшись в США, поняла — им с Хэнсоном лучше расстаться. «Моё расписание вынуждает меня сниматься, играть на сцене, а потом опять вернуться в Голливуд, — сказала она журналистам. — А Джеймс проводит большую часть времени в Англии и Канаде. Нам будет очень трудно вести нормальную супружескую жизнь». Было и то, о чём она промолчала — например о его романах (что было неудивительно, учитывая, как редко они виделись за последние месяцы). В любом случае Одри было понятно — совмещать карьеру актрисы и брак с Хэнсоном не удастся.

> Я решила, что будет несправедливо по отношению к Джимми выходить за него, сознавая, что я привязана и влюблена в свою работу. Как унизительно будет заставлять его стоять рядом, держа моё пальто, пока я раздаю автографы.

Ещё до выхода в прокат «Римских каникул» на студии «Парамаунт» начали подготовку к съёмкам нового фильма с Одри Хепбёрн — «Сабрина».

Это была экранизация бродвейской пьесы Сэмюэля Тейлора «Прекрасная Сабрина» — история про очередную Золушку, но такая изящная и остроумная, что Одри, ознакомившись со сценарием, сразу захотела в ней сниматься.

Режиссёром, продюсером и одним из авторов сценария этого фильма стал Билли Уайлдер — талантливый мастер комедий, уже не раз номинированный на «Оскар», хотя главный его шедевр, «В джазе только девушки», был ещё впереди.

Но несмотря на талант Уайлдера, фильм получился далеко не так хорош, как мог бы. Тонкие шутки плохо ложились в киносценарий, Уайлдер безжалостно его переделывал, но не всегда удачно. Ирония превращалась в откровенную насмешку, сказочное очарование рассеивалось и улетучилось бы полностью, если бы не участие в фильме Одри.

«Самой трудной для меня оказалась сцена, — вспоминал ещё один соавтор сценария Эрнест Леман, — где чванливый старший брат и восхитительная Сабрина понимают, что влюблены друг в

друга. Билли хотел сделать её более интимной и намекнуть, что парочка отправляется в постель. „Билли, — сказал я, — это всё испортит. Герои сказок не спят друг с другом“».

Леман оказался прав — он был одним из первых, кто разглядел ауру невинности, выгодно отличающую Одри от остальных актрис Голливуда. Все фильмы с ней казались немного сказками, и в этом была их неповторимая особенность, так нравящаяся зрителям.

> Истина заключается в том, что в кончике моего носа больше сексуальной привлекательности, чем во всём теле у многих женщин. Она не бросается в глаза, быть может, но она есть.

Работа над «Сабриной» далась Одри Хепбёрн очень тяжело.

Главной причиной этого стал конфликт с Хэмфри Богартом, игравшим одного из двух главных героев. Точнее, это у Богарта был конфликт с Одри, а заодно с Билли Уайлдером и Уильямом Холденом, игравшим второго главного героя.

Первоначально на роль приглашали Кэри Гранта, который куда убедительнее бы смотрелся в роли немолодого мужчины, покоряющего сердце юной девушки. Но Грант счёл, что между ним и Одри слишком большая разница в возрасте. Тогда Уайлдер и пригласил Богарта, который не только был слишком старым, а выглядел ещё старше, но ещё и обладал очень тяжёлым характером.

«Богарт считал, что режиссёр должен пресмыкаться перед ним», — рассказывал потом его агент Ирвинг Лазар. А когда стало ясно, что Уайлдер этого делать не будет, Богарт его возненавидел. Ещё больше он невзлюбил Одри, которой по его мнению в картине уделялось слишком много времени, куда больше, чем такой звезде, как он.

«Я ненавидел этого ублюдка, — вспоминал Холден, — он вечно всех критиковал и злился». Другие актёры тоже вспоминал о поведении Богарта с неприязнью, в частности, они были страшно шокированы, когда он обозвал Уайлдера, родившегося в Австрии, «нацистским ублюдком», хотя все знали, что Уайлдер еврей, а его мать, отчим и бабушка погибли в Освенциме.

Дуэт Одри Хепбёрн и Хэмфри Богарта в итоге вышел неубедительным, но зато имя Богарта привлекло в кино многих зрителей, что для создателей фильма было куда важнее.

> Даже при условии неплохого сценария, хороших актёров и режиссёра мы всегда остаёмся один на один с собой.

На съёмках «Сабрины» у Одри Хепбёрн начался роман с Уильямом Холденом.

Много лет спустя в автобиографии Холден вспоминал: «Порой по ночам я брал с собой переносной проигрыватель и ехал за город на маленькую полянку, которую мы облюбовали. Мы ставили балетную музыку… И Одри танцевала для меня в лунном свете. Некоторые из самых сказочных мгновений мы пережили именно там…»

Роман их протекал тихо, даже не все члены съёмочной группы о нём знали. Эрнест Леман вспоминал, что однажды без стука зашёл к кому-то из них и был буквально ошеломлён — ему и в голову не приходило, что между ними есть что-то серьёзное.

Между тем это действительно не было обычным служебным романчиком, Одри на такое была просто не способна. Она серьёзно подумывала о том, чтобы выйти за Холдена замуж. Вообще-то он был женат и даже имел двух детей, но говорить о разрушении брака в данном случае не приходилось — у него с женой были «свободные отношения», и они давно друг другу изменяли, не зря их брак называли «то ли патетической мыльной оперой, то ли пошлой комедией».

Но вскоре Холден признался Одри, что сделал операцию, чтобы больше не иметь детей. Это и поставило крест на их отношениях. Как писал один из её биографов: «Мужчина, который сознательно лишил себя способности иметь детей, не мог стать мужем для женщины, мечтавшей о нормальной семье».

> Мне кажется, что любая женщина, полностью реализует себя, только став матерью.

Часть костюмов для фильма «Сабрина» Одри Хепбёрн приобрела у начинающего модельера Юбера Живанши.

Среди них были в том числе и самые знаменитые наряды Сабрины, ставшие после фильма классикой: серый костюм, в котором она возвращается из Парижа в Америку, белое бальное платье, расшитое чёрным шёлком, в котором она приходит на вечеринку, и маленькое чёрное платье для коктейлей.

Однако когда вышел фильм, Живанши ждал неприятный сюрприз — его имя в титрах было даже не упомянуто, а единственным художником по костюмам значилась Эдит Хэд. И даже когда вручали «Оскара» (из всех номинаций «Сабрина» получила награду только за костюмы), Эдит взяла статуэтку и ни словом не обмолвилась о Живанши.

Но зато он приобрёл нечто более ценное — дружбу с Одри, которая стала его постоянной клиенткой и прославила его на весь мир. «Есть лишь немного людей, которых я любила бы больше,

чем его, — говорила она. — Он единственный из тех, кого я знаю, кто обладает истинной цельностью натуры». В свою очередь Живанши признавался: «Нежность в её взгляде, её изысканные манеры с первого же мгновения покорили меня».

С тех пор он одевал её почти во всех фильмах, и вместе они создали тот безукоризненный стиль простой элегантности, который стал визитной карточкой Одри Хепбёрн.

Кстати, в 1954 году Живанши сделал по её фигуре манекен для примерки платьев, и сколько бы лет ни проходило, ему ни разу не пришлось этот манекен менять. Фигура Одри оставалась такой же безукоризненной.

> Люди ассоциируют меня с тем временем, когда фильмы были приятны, когда женщины в кино носили красивые платья и играла прекрасная музыка. Обожаю, когда люди пишут мне, чтобы сказать: «У меня было ужасное настроение, я зашёл в кино, посмотрел один из Ваших фильмов, и всё изменилось».

Летом 1953 года «Римские каникулы» вышли в прокат и сразу покорили публику.

Причём в Европе успех фильма был больше, чем в США. Частично это объяснялось тем, что в отличие от европейцев большинство американцев никогда в жизни не были в Риме и не слишком им интересовались.

Но была и другая причина. Как раз в июле 1953 года по Англии, а потом и по всей Европе стал распространяться сенсационный слух — младшая сестра королевы, принцесса Маргарет, завела открытый роман с капитаном Питером Таунсендом и собирается выйти за него замуж. В то время королевская семья ещё не стала притчей во языцех, и подобное событие было на самом деле шокирующим и притягивающим к себе всеобщее внимание. Обеспокоенная королева срочно отправила сестру путешествовать, а Таунсенда отослала служить атташе в английском посольстве в Брюсселе.

Студия «Парамаунт» ликовала — слух, что принцесса Анна в «Римских каникулах» списана с Маргарет, заставил людей буквально ломиться в кинотеатры. Скандал создавал у зрителей впечатление, что они не просто смотрят фильм, а словно бы подглядывают в замочную скважину Букингемского дворца.

Такая реклама обеспечила картине полные залы. Одри сразу же стала звездой и образцом для подражания — стало модно делать стрижку, как у принцессы Анны, носить платья и туфли в стиле принцессы Анны и гонять на мотороллере, как делала она в свой единственный счастливый день «каникул».

Я всегда пыталась прыгнуть выше головы. Если мне это и удалось, то только потому, что я использовала любую возможность и много работала. Ничто легко не даётся.

Летом 1953 года Одри Хепбёрн познакомилась с актёром и режиссёром Мелом Феррером, за которого впоследствии вышла замуж.

Считается, что впервые Одри увидела Мела Феррера в фильме «Лили» и была так восхищена, что ходила на него в кино несколько раз. Но реальное знакомство произошло немного позже, на приёме, устроенном её матерью в честь премьеры «Римских каникул».

Мел Феррер сразу произвёл на неё большое впечатление. Он был прекрасно образован, говорил на нескольких языках, а главное, был человеком большой силы воли, что не могло её не восхищать.

Но с другой стороны, Феррер был на двенадцать лет её старше, и к тому же в то время он был женат, да ещё и в третий раз (правда, вновь на своей первой жене). Впрочем, это не мешало им сразу проникнуться взаимным интересом, пусть пока и достаточно осторожным, поскольку Одри не желала разрушать чужие семьи.

Но Мел даром времени не терял — сразу же предложил Одри после съёмок в «Сабрине» вновь вернуться на сцену и сыграть с ним в романтической пьесе «Ундина», о русалке, полюбившей рыцаря. А получив её согласие… отправился к жене и сообщил, что подаёт на развод.

К тому времени, как Одри закончила съёмки в «Сабрине» и разочаровалась в Уильяме Холдене, Мел Феррер был уже свободен и для работы, и для нового брака.

Он так требователен к себе… Я полагала, что, если я просто буду рядом, я уже только этим смогу помочь ему.

В феврале 1954 года Одри Хепбёрн с успехом дебютировала в спектакле «Ундина».

Примерный сюжет этой истории в России известен по стихотворному переводу Жуковского — водная нимфа Ундина влюбляется в прекрасного рыцаря и выходит за него замуж, но он вскоре влюбляется в другую. Водяные духи карают его за измену смертью, а безутешная Ундина возвращается в водное царство.

Спектакль понравился далеко не всем, но в отношении Одри публика и критики были единодушны — она оказалась великолепна в роли Ундины. Порхая по сцене в эфемерном

наряде из рыбацкой сети, с волосами, припорошёнными золотой пудрой, она и в самом деле казалась сказочным существом.

Критика захлёбывалась от восторга. «Роль Ундины очень сложна. Она вся состоит из нюансов — из настроения и впечатления, разочарования и трагедии, — писала „Нью-Йорк Таймс“. — Каким-то чудом мисс Хепбёрн удаётся перевести эти чувства на язык театра безыскусно и естественно. Её игра исполнена грации и очарования, и в то же время молодая актриса инстинктивно осознаёт все реалии сцены». Известный обозреватель Аткинсон восторгался: «Её движения стремительны, неуловимы и естественны. Она изображает Ундину в человеческом мире с естественной чистотой и грацией. Под её очарование подпадаешь сразу же и бесповоротно. Ундина — это не волшебное создание, а живое существо, и сыграть лучше, чем это удалось мисс Хепбёрн, просто невозможно».

> Я чувствую себя так, словно кто-то дал мне наряд слишком большого размера, и мне надо вырасти, чтобы носить его. Я не могу сказать, что уже научилась играть. Мне иногда кажется, что и никогда не научусь. Порой собственное поведение на сцене вгоняет меня в депрессию.

25 марта 1954 года Одри Хепбёрн получила «Оскара» за фильм «Римские каникулы» как лучшая актриса 1953 года.

Ей же достался и «Золотой глобус» — почти столь же престижная премия Британской киноакадемии. А через несколько дней и её «Ундина» получила премию «Тони», бродвейский вариант «Оскара», в номинации «лучшая актриса сезона на Бродвее».

Надо сказать, что оценили в обоих случаях не только её. «Римские каникулы» получили «Оскара» ещё и за лучший сценарий, а «Ундина» — премии «Тони» за лучшую режиссуру, сценографию и костюмы. В обоих случаях Одри могла гордиться тем, что участвовала в высококачественном проекте и работала с настоящими профессионалами. Она и гордилась, но от этого ещё больше комплексовала.

К тому же постоянная занятость плохо сказалась на её здоровье — она худела, бледнела, всё больше курила и постепенно впадала в глубокую депрессию. Не помогала даже поддержка Мела, очень гордившегося её достижениями и окружавшего её такой заботой, что начали даже поговаривать, будто он хочет её полностью себе подчинить.

В конце концов Одри по совету врачей отказалась от всех предлагаемых ей проектов и отправилась отдыхать в Швейцарию.

Она не стала участвовать даже в рекламной кампании «Сабрины», а насчёт возможных будущих планов ответила, что со сценой покончено — это отнимает слишком много сил.

> Я хочу наслаждаться жизнью, а не превращаться в развалину.

25 сентября 1954 года Одри Хепбёрн вышла замуж за Мела Феррера.

А ведь всего несколько месяцев назад, отвечая на вопросы журналистов, она ни словом не упомянула, что между ними есть что-то серьёзное. Даже когда её прямо спросили, есть ли у неё сейчас с кем-то романтические отношения. «Мисс Хепбёрн улыбнулась, — писали потом репортёры, — и сказала, что на данный момент такие отсутствуют. Тем не менее она может сказать, что очень любит лошадей в центральном парке».

Возможно, она не так уж лукавила. Несомненно, Мел Феррер уже настаивал на браке, но, судя по всему, Одри долго сомневалась. Мел защищал её, помогал ей, заботился о ней, но она не могла не видеть, что он стремится её подавить. Не из желания унизить, ни в коем случае, просто Мел Феррер пытался подавить, подмять под себя всех вокруг. Он по натуре был руководителем и просто не мог иначе.

К тому же Элла ван Хеемстра тоже очень скептически относилась к перспективам этого брака. Она считала, что Феррер слишком похож на её собственных мужей, от которых у неё были одни неприятности.

Но в конце концов Одри всё же решилась. Она любила Мела, чувствовала себя рядом с ним защищённой и знала, что он полностью поддержит все её карьерные устремления.

Обвенчались они в Швейцарии, в присутствии нескольких родственников и друзей, а также представителя студии «Парамаунт» в Лондоне и Курта Фрингса — нового агента Одри, нанятого по совету Мела.

> Будучи мужем. Мел, естественно, даёт советы собственной жене. Но этим всё и ограничивается. Я могу вас заверить, что не нуждаюсь ни в какой «защите».

Идиллию омрачало лишь то, что у Одри Хепбёрн и Мела Феррера стремительно заканчивались деньги.

Одри зарабатывала слишком мало, поскольку студия «Парамаунт» продолжала платить ей по контракту, заключённому ещё до того, как она стала звездой. За «Ундину» ей на Бродвее в итоге заплатили в два раза больше, чем за «Сабрину», хотя

доходы от спектакля не могли и близко сравниться с прибылью от фильма. А теперь она и вовсе не работала, поскольку ждала ребёнка, и им приходилось жить на доходы Мела.

Они быстро поняли, что гонораров Мела на беззаботную жизнь не хватает. В то же время Одри ещё не была психологически готова возвращаться в Голливуд и тем более на Бродвей — она только-только подлечила расстроенные нервы вдалеке от журналистов и фанатов.

В это время им и предложили экранизировать «Ундину». Мысль была заманчивая, тем более что снимать предполагалось в Англии, а значит можно было пока не возвращаться в Америку. Но вдова автора пьесы запросила такие деньги за разрешение на экранизацию, что пришлось отказаться от этой идеи. Потом обсуждался вариант забыть о пьесе и вернуться к сказочному первоисточнику, а действие перенести в современность. Но тут против оказались и Мел, которому нравилась именно пьеса, и студия «Парамаунт», считавшая, что роль современной русалки не для Одри.

В итоге об «Ундине» было решено забыть. Но проблема денег осталась, а значит, Одри срочно нужна была новая роль.

> Я не городской человек… Меня страшно утомляет бетон.

В 1955 году Одри Хепбёрн и Мела Феррера пригласили на роли Наташи Ростовой и Андрея Болконского в «Войне и мире».

Продюсер Дино де Лаурентис лично приезжал их уговаривать. «Кинг Видор, — сказал он Мелу, имея в виду режиссёра, — считает, что Наташу может сыграть только Одри, а вам известно, что на роль князя Андрея я давно уже выбрал вас».

Предложение было заманчивое, тем более что у Одри случился выкидыш, и теперь работа нужна была ей не только из-за нехватки денег, но и чтобы отвлечься от переживаний. Она не хотела надолго расставаться с мужем, а здесь им очень удачно предлагали сыграть вместе.

«Мел имел очень большое влияние на Одри, особенно в первые годы их брака, — рассказывал их общий приятель актёр Роберт Флеминг, — и нет сомнений в том, что Одри поступала так, как он говорил ей». Впрочем, бывший возлюбленный Одри Уильям Холден придерживался другой точки зрения: «Я думаю, что Одри позволяет Мелу думать, будто он оказывает на неё влияние».

Сам же Мел говорил: «Нас ужасает сама мысль о расставании. Вы только взгляните, что произошло с множеством голливудских семей из-за таких временных расставаний».

В итоге они согласились сниматься в «Войне и мире», но слухи о том, что Мел полностью подчинил себе Одри, не утихали, и ей даже пришлось дать большое интервью под заголовком «Мой муж мною не управляет».

> Будем мы работать вместе или нет, но в любом случае мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы избежать долгих расставаний.

За «Войну и мир» Одри Хепбёрн получила в тридцать раз больше, чем за «Сабрину».

За двенадцать съёмочных недель Одри по новому договору должны были заплатить 350 тысяч долларов плюс по 500 долларов в неделю на повседневные расходы и 27500 долларов за каждую неделю работы сверх съёмочного плана. Кроме того, ей предоставлялся автомобиль с шофёром на двадцать четыре часа в сутки на весь период съёмок, и её одобрение должны были получить сценарий, актёрский состав, оператор и гримёры.

Одри в одночасье стала одной из самых высокооплачиваемых актрис в мире. В этом, конечно, была заслуга Мела и её нового агента Курта Фрингса, который и вёл основные переговоры с продюсером. Сама она, когда Фрингс озвучил ей итоговую сумму, не могла поверить, что ей готовы столько платить, и даже сказала: «Я этого не заслуживаю! Это просто невозможно! Пожалуйста, никому об этом не говорите».

Но конечно, через несколько дней все газеты уже только и писали о новой роли Одри Хепбёрн и фантастической сумме её гонорара. Начались и нападки — английские журналисты вдруг вспомнили, что у неё британское гражданство, и не упустили случая упрекнуть её в том, что она не снимается в Англии. О том, какие роли ей там давали, разумеется, никто уже не вспоминал.

Ситуация усугублялась ещё и тем, что Мел и Одри получили вид на жительство в Швейцарии. Причина была самая банальная — в Англии и Америке налоги «съели» бы 90 % их гонораров. Но, конечно, это был хороший повод обвинять их обоих в отсутствии патриотизма.

> Иногда мне кажется, чем больший успех сопутствует вам, тем менее надёжно вы себя чувствуете. И это несколько пугает в самом деле.

Роль Наташи Ростовой оказалась не самой удачной в карьере Одри Хепбёрн.

Газеты писали о ней достаточно сдержанно, хоть и в основном положительно. Самый резкий отзыв принадлежал

английскому критику Полу Дену, который писал, что «её хорошенькое личико с большими глазами московитки, одновременно вызывающая в памяти мордочку оленёнка и облик фавна, ничуть не меняется». Но и другие критики, пусть и в более мягкой форме, соглашались, что образ Наташи Ростовой в фильме нисколько не эволюционирует, какая она в начале этой истории, такая и в конце, а попытка её побега с Анатолем вообще выпадает из характера и выглядит надуманной и пошлой.

Но сказать по правде, вина Одри во всём этом была минимальной. В фильм вложили много денег, сшили роскошные наряды, пригласили отличных актёров, режиссёра, оператора, но не потрудились написать для него хороший сценарий. Начиналась эпоха блокбастеров, когда упор стал делаться на зрелищность, а всё остальное отодвигалось на второй план. Поэтому даже когда режиссёр потребовал заменить первый сценарий фильма, наскоро сляпанный из нескольких кусков, ситуацию это не спасло — новый написали за считанные дни, и он получился сухим, нелогичным и без души.

Одри делала что могла, но ей не удалось даже добиться того, чтобы на роль Пьера взяли идеально подходящего Питера Устинова — по мнению продюсеров, Наташа обязана была выйти замуж за стройного красавчика, а не за увальня, как в романе.

> Мне всегда было страшно начинать новый фильм. Я по складу личности интроверт, знаете ли. Мне всегда было трудно делать что бы то ни было на глазах у людей. А ведь игра — это совсем не езда на велосипеде, и вы никогда не можете быть уверены в том, что полностью не утратили навык.

После «Войны и мира» Одри Хепбёрн начала сниматься в картине «Забавная мордашка».

Новые сценарии ей стали предлагать ещё до того, как она закончила работу над ролью Наташи. Самыми интересными выглядели экранизация пьесы Уильямса «Лето и дым» и фильм по знаменитому «Дневнику Анны Франк». Но первый не устраивал Одри тем, что там были намёки на изнасилование, а второй она отвергла со словами: «Я не хочу наживаться на святости».

К тому же роль Наташи отняла у неё много сил, и она хотела в противовес сыграть в чём-нибудь лёгком и весёлом. И тут ей показали сценарий милого и забавного мюзикла под названием «Забавная мордашка», где она кроме всего прочего могла продемонстрировать своё умение петь и танцевать. А чтобы она не слишком долго раздумывала, сообщили, что главную мужскую роль согласился играть великий танцор Фред Астер, которым она

давно восхищалась.

«Снимаясь в мюзикле вместе с Фредом Астером, я реализую мечту всей своей жизни», — говорила она.

Кстати, Астера уговорили точно так же — сказали, что в фильме будет играть Одри. Не совсем честно, но зато эффективно. Оставалось уговорить «Парамаунт», потому что «Забавная мордашка» была картиной другой студии. Боссы «Парамаунт» наотрез отказались одалживать свою звезду конкурентам, но согласились перекупить права на фильм. Это было правильное решение — картина имела большой успех у зрителей, ну а слава Одри в очередной раз взлетела до небес.

> Я испытала тот восторг, о котором хоть раз в жизни мечтает любая женщина, — восторг танца с Фредом Астером.

На съёмках «Забавной мордашки» Одри Хепбёрн страшно нервничала.

Она, как всегда, боялась сделать что-то не так, сыграть плохо, выглядеть не так, как надо, но больше всего она боялась ударить в грязь лицом перед Фредом Астером, которого заслуженно считала величайшим танцовщиком в мире. И действительно, работалось им вместе нелегко — Астер раздражался на её промахи, несколько ревновал её к успеху и к тому же тоже комплексовал, постоянно помня, что она моложе его почти на тридцать лет.

Впрочем, он был человеком достаточно чутким, чтобы заметить, что Одри нервничает куда больше него самого. Поэтому, когда она стала слишком часто сбиваться в песнях, он намеренно взял неверную ноту, чтобы показать ей, что никто не идеален. Одри это подбодрило, и остальные песни они записали гораздо легче.

Несмотря на то что съёмки в этом фильме давались ей тяжело, потом она вспоминала о нём и о своём партнёре только хорошее: «У меня возникло такое ощущение, как будто всё моё тело налилось свинцом, а сердце ушло в пятки. И тут внезапно я почувствовала, как он обнял меня за талию и с присущим ему неподражаемым изяществом и лёгкостью в буквальном смысле взметнул меня вверх».

Но пожалуй, кроме Одри и Астера был и третий человек, сделавший из этого банального мюзикла почти шедевр — это Живанши, создавший для фильма целую коллекцию феерических нарядов, выдвинутую потом на «Оскар».

> Не жить ради каждого дня — это попахивает

материализмом — но ценить каждый день. Я знаю, что подавляющее большинство из нас живёт как бы «на поверхности», не понимая того, насколько чудесно просто жить.

Сразу после «Забавной мордашки» Одри Хепбёрн пригласили сниматься в фильме «Любовь после полудня».

Переговоры об этом велись уже давно, и в конце концов Одри согласилась, хотя играть в трёх фильмах подряд для неё было очень тяжело. Но во-первых, режиссёром был уже знакомый ей по «Сабрине» Билли Уайлдер, во-вторых, в партнёры ей обещали знаменитых Гэри Купера и Мориса Шевалье, ну и наконец, она могла часто видеться с Мелом, у которого тоже планировались съёмки где-то поблизости.

Фильм получился средненький, несмотря на прекрасную команду актёров, отличного режиссёра и вполне неплохой сценарий. Но Уайлдер сделал ту же ошибку, что и в «Сабрине» — Купер выглядел рядом с Одри слишком старым. Настолько, что снимать его крупные планы приходилось всё время с затемнением или прибегая к каким-нибудь другим уловкам. Да и Одри старалась быть в кадре максимально асексуальной, чтобы у зрителей не возникало неприличных мыслей.

К счастью, Купер по характеру выгодно отличался от Богарта, никого не третировал, поэтому сами съёмки шли достаточно спокойно и не трепали Одри и без того расстроенные нервы. Публика тоже приняла фильм вполне доброжелательно — Гэри Купер и Одри Хепбёрн были в то время так популярны, что зрители готовы были смотреть с их участием что угодно и легко простили фильму некоторые недостатки.

Я никогда не верила в свой «Богом данный талант». Я обожала свою работу и делала всё, что было в моих силах. Но ничего больше.

В январе 1957 года Живанши подарил Одри Хепбёрн духи, созданные специально для неё.

Они назывались «L'Interdit» («Запрет») и в продажу должны были поступить только через двенадцать месяцев, то есть в течение года пользоваться этим ароматом могла лишь сама Одри.

Их сотрудничество и дружба продолжались много лет. Одри не просто нравилась одежда, которую он создавал, эта одежда стала для неё «второй кожей», только в ней она чувствовала себя уверенно. Поэтому, например, в фильме «Любовь после полудня» её героиню опять одевал Живанши, хотя по логике бедная дочка частного детектива никак не могла позволить себе такие наряды.

Одри пыталась даже убедить Живанши сделать платья и для Наташи Ростовой, но тут уже он сам отказался, поскольку не считал себя профессионалом в историческом костюме. Прошло немало лет, прежде чем нашёлся режиссёр, сумевший убедить Одри сниматься в одежде от другого модельера.

«Одри всегда взирала на Живанши как на Бога, — вспоминает Генри Роджерс, занимавшийся связями Одри с прессой. — Он создал её стиль одежды. Она ходила на все демонстрации его моделей. Она фотографировалась в туалетах из его коллекции. Он создал духи специально для неё, а особую их концентрацию — только для неё. Но Одри никогда не получала денег за свою рекламу моделей Живанши».

> Я занимаюсь благотворительностью вовсе не для того, чтобы сделать рекламу Живанши. Он в этом не нуждается.

«Она всегда знала, чего хочет и к чему стремится».

Юбер де Живанши

В 1957 году Одри Хепбёрн и Мел Феррер сыграли в телепостановке «Майерлинг».

Снимал этот чрезвычайно дорогой телевизионный фильм о любви и смерти кронпринца Рудольфа и его любовницы Марии Вечеры их общий друг Анатолий Литвак — известный режиссёр русского происхождения, прославившийся в Германии, но эмигрировавший в США после прихода к власти нацистов. Литвак был известным мастером исторического кино, и никто не сомневался, что фильм будет иметь успех. Тем более что никто не собирался экспериментировать, за образец был взят знаменитый фильм самого Литвака 1936 года.

Одри получила за эту двухнедельную работу 150 тысяч долларов (рекордный для того времени гонорар за участие в телепостановке), Мел — 100 тысяч. Кроме них были приглашены и другие известные актёры, а для антуража Литвак отснял прекрасный материал в Вене.

Но надежды не оправдались. Фильм получился красивый, пышный, с роскошными костюмами и декорациями, но он совершенно не трогал зрителей. «Более плоскую и примитивную версию знаменитой истории трудно себе вообразить», — писали критики. Литвак вяло оправдывался: «Очень трудно заставить Мела грубо с ней обращаться».

Одри и Мел прекрасно подходили на роли внешне, но им совершенно не удалось передать накал страстей, приведший к

трагической развязке. «Казалось, эти любовники обречены на то, чтобы до смерти надоесть друг другу», — писал один из критиков. На экране они были тем же, чем и в жизни — спокойной семейной парой, а не несчастными влюблёнными.

> До сих пор мы с Мелом много работали и проводили жизнь в гостиницах… Мы женаты уже два года, но у нас всё ещё нет собственного дома. Для счастливого брака необходим домашний очаг.

После «Майерлинга» Одри Хепбёрн решила взять годовой отпуск.

Она отвергла все предложения и уехала в Мексику, где Мел Феррер снимался в фильме «И восходит солнце». Когда стало известно, что она берёт творческий отпуск, пошли слухи, что она вновь беременна. Одри решительно их опровергла: «Нет, нет, никто бы не поехал в такое место, как Мехико, чтобы рожать ребёнка». Но конечно, слухам это не помешало, тем более что никто не мог понять, какие ещё причины могут заставить актрису на пике славы отказаться от съёмок на целый год.

Причин же, вероятно, было две. Прежде всего Одри очень устала — последнее время она снималась практически без перерыва, причём некоторые картины дались ей очень тяжело. Второй же причиной стало понимание того, что после «Римских каникул», за которые она получила «Оскара», всё, в чём она снималась, было слабее, причём иногда намного. И сами её роли тоже были слабее, да и к тому же однотипные — либо юные прелестницы, очаровывающие зрелого мужчину, либо скучные аристократки в исторических костюмах. Можно сказать, она деградировала как актриса, и это её очень беспокоило.

Поэтому она без сожаления отказалась от всех таких же предложений и решила посвятить год укреплению отношений с Мелом и поиску собственного творческого пути, не отвлекаясь на зарабатывание денег и общение с множеством не всегда приятных людей.

> Жаркое солнце днём, холодные ночи и, конечно, высота, благодаря которой чувствуешь себя на миллион долларов. И что мне больше всего нравится — это отсутствие телефона. Великолепное место для настоящего отдыха.

В Мексике Одри Хепбёрн получила сообщение о большом успехе у зрителей фильма «Забавная мордашка».

«Рецензии просто великолепные… — с облегчением писала она режиссёру Роджеру Иденсу. — Мы побили все кассовые рекорды!!! Я бесконечно благодарна вам! Ура! Ура!.. Спасибо… Я очень рада и счастлива за всех нас».

Её радость была тем более велика, что рецензия в «Тайм» сильно подогрела её страхи насчёт собственной актёрской деградации и снижения качества фильмов, в которых она играет. «Можно предположить, что Одри Хепбёрн на самом деле всего лишь подделка, способная носить лишь поддельные драгоценности», — писал ехидный критик, разнося в пух и прах примитивный сюжет мюзикла, нужный лишь для того, чтобы дать актёрам возможность спеть, станцевать и пройтись в нарядах от Живанши. Правда, и этот критик всё же похвалил Одри, которая по его мнению сумела спасти фильм от полного провала: «Она не просто от начала и до конца фильма сохраняет своё светлое, прозрачное совершенство; ей также удаётся исполнить несколько милых танцев (хотя и не с Астером) и неплохо пропеть своеобразным речитативом с нотками абсента в нём и древесного спирта — в нижних его регистрах».

Но как сказано выше, такая рецензия, пусть и авторитетная, была только одна. Остальные критики рассыпались в похвалах. Однако «Тайм» задела больное место Одри и укрепила её в решимости больше не растрачивать себя на что попало. Следующая её роль обязательно должна была стать триумфом.

> Для меня важны не деньги, а возможность оставаться хорошей актрисой.

Вскоре агент Одри Хепбёрн, Курт Фрингс, предложил ей сыграть главную героиню в фильме «История монахини».

Это была биографическая драма по бестселлеру Кэтрин Халм, за год разошедшемуся трёхмиллионным тиражом и переведённым на десятки языков мира. Фрингс выторговал для Одри поистине королевские условия — 200 тысяч долларов плюс десять процентов от общего кассового сбора, начиная с того момента, когда окупится её гонорар. Причём свои 200 тысяч она получала гарантированно, даже если фильм провалится в прокате.

Но Одри согласилась бы и на меньшие деньги. Она сразу поняла, что «История монахини» — тот самый фильм, которого она ждала.

Героиня этой истории, бельгийская девушка Габриель, приняла постриг под именем сестры Люк и работала с прокажёнными в Бельгийском Конго. Во время Второй мировой войны она помогала бельгийскому Сопротивлению, а потом и вовсе была вынуждена уйти из ордена. Но не потому, что

потеряла веру в Бога, а из-за моральной дилеммы. Монахини должны были одинаково ухаживать за ранеными союзниками и нацистами, а для сестры Люк это оказалось неприемлемо Поэтому она покинула монастырь и стала обычной медсестрой.

Наконец-то Одри предложили фильм не о любви или страсти, а о духовном развитии личности, поиске себя, роль, которая должна была показать ей самой — настоящая она актриса или очередная голливудская однодневка.

> Некоторые фильмы очень хороши. Вне всякого сомнения, для них есть место в современном обществе, но я не нахожу в них места для себя. Я внимательно слежу за всем тем, что происходит в мире кино. Я не могу не замечать те страдания, недовольство жизнью, боль, которые окружают нас повсюду Никто не может от этого скрыться.

Готовясь к съёмкам в «Истории монахини», Одри Хепбёрн провела несколько дней в католическом монастыре.

Идея принадлежала режиссёру Фреду Циннеману — он решил, что для большего вживания в образ Одри и двум другим актрисам, игравшим монахинь, надо провести несколько дней в настоящем женском монастыре, наблюдая и по возможности участвуя в монашеской жизни. Правда, оказалось, что придумать это легче, чем осуществить. Актрисы, конечно, согласились, а вот монастыри, в которые он обращался, дружно отказывались от подобного эксперимента.

Возможно, Циннеман так и махнул бы на это рукой, если бы не Одри, настаивающая на том, чтобы пожить в монастыре. Она очень тщательно готовилась к роли, изучала обряды, молитвы, посещала монастырские больницы, познакомилась с автором романа и с Мари-Луизой Абэ, прототипом своей героини. Но ей продолжало казаться, что она недостаточно готова и недостаточно понимает монахинь.

Наконец, Циннеману удалось договориться с несколькими парижскими монастырями, и 2 января 1958 года он отвёз актрис на четырёхдневное вживание в монашескую жизнь. «Ежедневно в десять утра я приезжал на такси, посмотреть, как они поживают… — вспоминал он — Зима была чрезвычайно холодная, а монастыри едва отапливались… Все они выходили из своих обителей совершенно синие от холода, но в восторге от того, с чем они здесь столкнулись, и взволнованные тем, как им приходится готовиться к исполнению своих ролей».

> Хочу сказать, что любое сходство между теперешней

Хепбёрн и той, что была до 1 января 1958 года, совершенно случайно. Я так много увидела, услышала и узнала, я так много испытала, что стала совершенно другим человеком.

Одри Хепбёрн принимала всё, что касалось сестры Люк, близко к сердцу.

Пожалуй, это был первый фильм, снимаясь в котором, она не только выполняла указания режиссёра и сценариста, но и сама участвовала в создании образа своей героини.

«Я думаю, что нам нужно слегка изменить концепцию характера сестры Люк, — писала она Циннеману в ноябре 1957 года, когда готовилась к съёмкам и изучала свою героиню. — Меня беспокоит то, что сестра Люк в финале фильма называет себя „неудачницей“. Она слишком умна, чтобы демонстрировать фальшивое смирение. Мне хочется, чтобы она высказалась иначе. Она может признать тот факт, что ей не удалось стать настоящей монахиней, но в то же время мы должны увидеть, что надежда и вера помогли ей родиться как свободному человеку, и в новом состоянии её вера стала ещё сильнее и крепче, чем раньше. Я хочу показать, что сестра Люк стоит на пороге нового, ещё более важного этапа своей жизни. Она вовсе не неудачница, её уход из монастыря — это не поражение. Финал картины должен быть таким, чтобы у зрителей не возникло неприятия монашества, и в то же время они не воспринимали её уход как крушение жизненных идеалов».

Циннеман согласился с её точкой зрения, в сценарий были внесены коррективы, но всё равно многие люди восприняли финал как отказ от обетов, а не как уход по избранному пути. Мало кто обладал достаточной широтой взглядов, чтобы по достоинству оценить выбор сестры Люк.

Постигая душу и сердце сестры Люк, мне пришлось глубоко заглянуть в самоё себя. Мне пришлось в буквальном смысле вспахать свою душу, и семена пережитого мною упали на тщательно подготовленную почву. Я надеюсь, они дадут свой урожай и вы увидите иную, лучшую Одри…

Одри Хепбёрн часто изображают эфирным созданием, оторванным от мира, тогда как на самом деле она была очень практична.

Один из её биографов, Александр Уолкер, пишет: «Архивы съёмочной документации „Истории монахини“ показывают, что в это время Одри занимали далеко не только религиозные

проблемы. Она требовала заверений, что в Африку её будет сопровождать лучший доктор с современными препаратами. Кроме того, карантинные правила, принятые в Бельгийском Конго, не должны помешать её крошечному терьеру сопровождать её в путешествие. И ещё: к её приезду в гостинице „Сабена“ в Стэнливиллс, где будут расквартированы члены съёмочной группы, должно быть установлено биде. Вероятно, это было единственное биде на всю Центральную Африку в то время».

Она не зря принимала столько предосторожностей — в Африке съёмочной группе пришлось тяжело. От дневной жары не спасали никакие кондиционеры, а ночные холодные туманы угрожали лёгочными заболеваниями. Вероятно, это плохо сказалось на здоровье Одри, потому что едва вернувшись из Африки, она свалилась с почечной инфекцией. А ведь болеть было никак нельзя — студия теряла большие деньги, и к тому же под угрозой срыва оказался следующий проект, «Зелёные поместья».

Так что она взяла себя в руки и, едва поправившись, вернулась в строй, а ещё через несколько недель отправилась сниматься в «Зелёных поместьях».

> Меня заботит моё здоровье, а мир озабочен тем, о чём я думаю.

Фильм «Зелёные поместья» стал самым большим провалом в карьере Одри Хепбёрн.

Материал был многообещающий — популярный роман о трагической любви политического беженца и юной дикарки на фоне южноамериканских джунглей. Ставил картину Мел Феррер, и Одри снималась там исключительно ради него, хотя, прочитав сценарий, засомневалась, что роль невинно-сексуальной дикарки ей подходит.

Студия вложила в фильм много денег: для него доставляли экзотических животных, сочиняли «первобытную» музыку, готовили рекламную кампанию. На роль главного героя пригласили талантливого актёра Энтони Перкинса… «Муж Одри Хепбёрн приказывает другому парню заняться с ней любовью», — завлекательно писали журналисты. Но и это не спасло картину от провала.

Возможно, из этой истории получился бы неплохой спектакль, но для фильма она была слишком наивной, нудной и пафосной. Критики разнесли «Зелёные поместья» в пух и прах.

«Одри исполняет свою роль, как верная жена: качает в люльке оленят, подражает голосам птиц, бегает босиком в плотной хлопчатобумажной ночной рубашке с распущенными волосами по

импортированному студийному лесу, — писали газеты. — Тони, вприпрыжку бегающий за худенькой девушкой и при этом стонущий о своей неуверенности в её реальности, выглядит крайне глупо».

Зрители оказались солидарны с критиками — в прокате фильм с треском провалился.

> Работать с Мелом для меня было так же естественно, как чистить зубы.

Перед премьерой «Истории монахини» Одри Хепбёрн с удивлением узнала, что на киностудии опасаются провала.

Студийные боссы сочли фильм слишком «затянутым, мрачным, с недостаточно напряжённым сюжетом, с избытком документальных подробностей из жизни монахини».

К счастью, фильм всё же выпустили на экраны — премьера состоялась 18 июня в нью-йоркском «Радио Сити Мюзик-Холл», ровно через три месяца после провальной премьеры «Зелёных поместий». Автор сценария Роберт Андерсен так писал об этом событии: «Очереди протянулись до Пятой авеню. Тысячам людей билетов просто не досталось. Мы с Фредом присутствовали на вечернем сеансе. В нашей жизни никогда не будет фильма лучше и сильнее, чем „История монахини“».

Картина продержалась в Нью-Йорке больше месяца, к кинозалам стояли многочасовые очереди, а потом такие же очереди выстроились по всей стране. На следующий год «Историю монахини» выдвинули на «Оскара» в восьми номинациях, включая «лучшую актрису».

Когда были подсчитаны все доходы и расходы, оказалось, что «История монахини» стала одним из самых кассовых картин всех времён. А лично Одри почти до самой смерти продолжала получать доходы с этого фильма и в общей сложности заработала на нём около четырёх миллионов.

Радовало её и ещё одно обстоятельство — то, что студия затянула с выпуском «Истории монахини» на экраны, помогло зрителям быстро забыть о провальных «Зелёных поместьях».

> Мы забываем о тёмной стороне человечества — об эгоизме, жестокости, агрессии, алчности. Всё это ведёт к тому, что загрязняется воздух, опустошаются океаны, уничтожаются леса, вымирают тысячи прекрасных животных. Не станут ли следующими жертвами наши дети? Недостаточно только делать им прививки, давать пищу и воду. Мы должны избавиться от привычки уничтожать всё, что нам по-настоящему дорого.

Закончив работать над «Зелёными поместьями», Одри Хепбёрн приняла сразу два предложения — сняться в фильмах «Непрощённая» и «Без залога за судью».

«Непрощённую» снимал мастер приключенческого кино Джон Хьюстон, а на главную мужскую роль был приглашён звёздный Берт Ланкастер. Одри предстояло сыграть девушку из индейского племени, но к сожалению, она согласилась сниматься, не видя сценария. А когда увидела, отказываться было уже поздно.

К тому же накануне съёмок она узнала, что беременна. Ей совершенно не хотелось ехать в таком состоянии в мексиканскую пустыню и тем более садиться в седло, как полагалось по роли. В конце концов она всё же выполнила свои обязательства и жестоко за это поплатилась — лошадь её сбросила. Итогом стал перелом четырёх рёбер, и, вполне возможно, именно это падение стало причиной того, что через несколько месяцев, незадолго до родов, у Одри случился выкидыш.

Увы, фильм не стоил и сотой доли всех выпавших на её долю несчастий. У зрителей он особого успеха не имел, критика его ругала, а через несколько лет и Джон Хьюстон, рассказывая обо всех неудачах, преследовавших его во время съёмок, признался: «В конце концов, самым ужасным стала та картина, которую мы сняли. У меня есть картины, о которых я не вспоминаю, но „Непрощённая“ — единственный фильм, который мне по-настоящему не нравится… Недавно его показывали по телевидению, и через несколько минут мне пришлось выключить чёртов телевизор. Я просто не мог этого вынести».

> Брак — это работа с полной занятостью. Она требует гораздо большего таланта, чем актёрская игра. Я не могу быть одновременно и хорошей актрисой, и отличной женой.

От съёмок в фильме Хичкока «Без залога за судью» Одри Хепбёрн вообще отказалась.

Вообще-то она давно мечтала сняться у Хичкока. Он в свою очередь тоже хотел с ней поработать — ему импонировал её тип настоящей леди, и он был настоящим мастером делать секс-символов из холодноватых изысканных дам. Их сотрудничество могло открыть в её таланте новые грани, но… Одри сделала ту же ошибку, что и с «Непрощённой» — не прочитала сценарий, прежде чем соглашаться.

Когда же она наконец ознакомилась с окончательной версией сценария, то пришла в ужас — её героиню должны были изнасиловать и чуть не задушить. Да она фильмы с такими сценами и сама никогда не смотрела и уж тем более не

собиралась в них сниматься!

Одри поспешно отказалась от съёмок под предлогом того, что врачи прописали ей отдых. Хичкок, конечно, был в ярости, но ничего не мог поделать, поскольку никто не позволил бы ему заставлять играть в сценах насилия беременную женщину (это произошло ещё до выкидыша), а ждать, пока она родит и придёт в себя, он не мог.

Вообще-то, фильм так и так не состоялся бы — лондонские власти вскоре сообщили, что не могут разрешить снимать на улицах города некоторые запланированные сцены. Но Хичкок всё равно смертельно обиделся на Одри Хепбёрн и больше не пожелал иметь с ней никаких дел.

> Жить — это как бежать по музею. И только потом вы начинаете по-настоящему осознавать, что вы увидели, думать об этом, наводить справки в книгах и вспоминать — поскольку вы не можете принять это всё и сразу.

Летом 1959 года Одри Хепбёрн увиделась со своим отцом, Джозефом Хепбёрн-Растоном.

Она посетила лондонскую премьеру «Истории монахини», после чего они с Мелом улетели в Дублин, где она и встретилась с отцом, которого не видела двадцать четыре года. Найти его удалось через её связи в Красном Кресте, а возможно и в министерстве иностранных дел, где знали местонахождение людей, которым было запрещено возвращение в Англию.

Никакого сближения между ними, разумеется, не произошло. Встретились два чужих человека, почти не помнящие друг друга и не имеющие общих интересов. Всё, что Одри вспоминала об отце, когда уже после его смерти рассказывала об этой встрече, сводилось к тому, что он жил в маленькой, но приличной квартирке, с молодой женой, а ей — много лет назад забытой дочери — сказал: «Конечно же, ты поступила глупо, сев на этого серого жеребца», — имея в виду лошадь, сбросившую её на съёмках, о чём он, видимо, читал в газетах.

О том, где он жил и чем занимался все эти годы, Одри никому не рассказывала, а возможно и сама не знала. С отцом она больше не общалась, только понемногу помогала, чтобы он ни в чём не нуждался. «Это помогло мне успокоить призраки прошлого», — объясняла она.

> Так печально, когда людям приходится умирать вдали от дома.

17 июля 1960 года у Одри Хепбёрн родился долгожданный сын.

Она забеременела довольно скоро после выкидыша и на этот раз решила не рисковать. Никаких съёмок, никакого риска — вопреки своим прежним правилам не разлучаться надолго она даже не поехала с Мелом в Италию и Францию, где он работал над двумя фильмами.

«Не проходит ни одного мгновения без того, чтобы я не думала о малыше, — признавалась она. — Я подобна женщине, заточённой в монастыре и считающей часы до своего освобождения».

Когда же счастливый час наконец пробил, одними из первых об этом узнали Мария-Луиза Хабетс, прототип сестры Люк из «Истории монахини», и автор книги, Кэтрин Халм. Одри познакомилась с ними ещё перед съёмками и продолжала дружить и в последующие годы. После рождения сына Мел по её просьбе отправил им телеграмму и получил ответ: «Мы отправили семь тысяч добрых фей к колыбельке Шона. Очень скучаем по вам троим. С любовью, Лу и Кейт».

Два месяца спустя ребёнка крестили в той же часовне, где Одри и Мел несколько лет назад обвенчались. Его крестильное платье было от Живанши, он сразу получил двойное швейцарско-американское гражданство и был официально назван Шоном Хепбёрном Феррером… А сама Одри всю жизнь называла его Пухом — в честь Винни-Пуха.

> С момента рождения Шона семья стала для меня главным в жизни.

> «Она из тех девушек, которые наверняка понравились бы вашей матери».
>
> *Фрэнк Синатра*

Осенью 1960 года Одри Хепбёрн приступила к съёмкам в фильме «Завтрак у Тиффани».

Она не особо рвалась работать, но боссы «Парамаунт» настаивали, да и деньги опять заканчивались. Ну и кроме того, Одри всё же не собиралась навсегда порывать с кино, поэтому ей надо было сниматься, чтобы зрители её не забыли.

Однако её смущало, что придётся играть роль девушки сомнительного сорта, тогда как главной фишкой её образа, отличавшей её от других голливудских актрис, всегда была чистота и даже почти невинность. Но Курт Фрингс цинично предложил называть героиню «девушкой без предрассудков» и сказал, что 750 тысяч долларов, которые Одри предлагают за фильм, вполне окупят это неудобство.

При этом и Трумен Капоте (автор рассказа, по которому ставился фильм) тоже был не в восторге от её кандидатуры. «Холли Голайтли, — говорил он, — была настоящей — сильный характер, совсем не похожий на Одри Хепбёрн. Я хотел, чтобы эту роль играла Мэрилин Монро… В Холли должно было быть вместе с тем что-то трогательное — незавершённое. В Мэрилин это было. Но „Парамаунт“ решил по-своему…»

Время показало, что и Одри, и Трумен Капоте ошибались — это была её роль, с которой никто не справился бы лучше. Именно такую Холли зрители готовы были принять и полюбить.

> Если вы чаще, чем обычно, проходите мимо человека с пирожными, можете считать, что перекусили?

Холли Голайтли стала героиней нового времени и визитной карточкой Одри Хепбёрн.

«Я прочла книгу, и она мне очень понравилась, — рассказывала Одри. — Но я ужасно боялась, что не подойду для этой роли. Мне казалось, что у меня нет чувства комедии. Для этой роли требовалась актриса-экстраверт, я же — настоящий интроверт. Но все вокруг уговаривали меня согласиться. И я согласилась. Я страдала всё время, пока шли съёмки, я худела. Во время съёмок была абсолютно убеждена, что играю плохо».

Холли не была близка ей ни по взглядам, ни по духу, но она не могла играть героиню, которая совсем ей не близка, поэтому попыталась найти с ней что-то общее. Помогли воспоминания о голодной юности, когда сама Одри танцевала в кабаре и общалась с людьми не самих строгих моральных устоев. «Она утратила жизненные основы. Была совершенно растеряна. Но продолжала притворяться с тем же упорством, что и я».

К тому же режиссёр фильма Блейк Эдвардс убеждал Одри, что образ Холли будет «очищен самим стилем, в котором намечено снимать фильм», и после первой же сцены станет ясно, что она вовсе не так плоха, как кажется.

Так и случилось. Хрупкая изящная Холли в чёрном платье от Живанши — это бриллиант, который даже под слоем грязи остаётся таким же чистым и совершенным. Маленькая заблудшая девочка и одновременно икона стиля, над которой не властно время.

> Моё единственное рождественское желание — это мир. Мир для всех детей на земле.

Специально для Одри Хепбёрн композитор Генри Манчини написал песню «Лунная река».

«Я понял, как мне следует писать эту мелодию, в первое же мгновение нашей встречи с Одри, — рассказывал он. — Я в точности знал, как будет звучать песня, когда она запоёт её своим слегка хрипловатым голосом».

«Лунная река» стала не просто главной песней фильма, она сформировала весь образ Холли и помогла Одри почувствовать характер героини. Именно благодаря ей удалось создать такую ауру невинности, что «Завтрак у Тиффани», несмотря на всю свою двусмысленность, стал фильмом, на который можно ходить всей семьёй.

«Одри напевает эту песню под гитару, сидя на пожарной лестнице, и мы слышим печальную мольбу „порхающей бабочки“ о невинности и простоте. „Лунная река“ — это лейтмотив, на который настраивается сложный и даже двусмысленный образ… — писал Александр Уолкер. — Это крайне редкое явление в кино, когда песня так тесно связана с образом героя фильма и следует за ним повсюду. Но это был именно тот случай. „Лунная река“ была „аурой“ Одри на протяжении многих лет».

Как ни странно, на «Парамаунте» песню не оценили и даже хотели убрать её из картины. Но Одри ответила, что это можно сделать только через её труп, после чего вопрос, разумеется, сразу был закрыт.

> Фильм без музыки — всё равно что самолёт без горючего.

За роль Холли Одри Хепбёрн в четвёртый раз выдвинули на «Оскара».

Карьера её в очередной раз пошла вверх, а вот в семейной жизни дела были не так хороши. Несмотря на то что «Оскар» за «Римские каникулы» так и остался у Одри единственным, в голливудской табели о рангах она стояла намного выше Мела, что не могло не сказываться на их отношениях.

«Конечно, когда жена превосходит мужа, как Одри, это всегда проблема, — неохотно признавался Мел. — Когда продюсеры звонили мне, чтобы обсудить картину, я всегда чувствовал, что на самом деле они хотели заполучить Одри, а меня использовали для отвода глаз». Он старался не обращать на это внимания, много работал, помогал жене чем мог, но напряжение продолжало расти, особенно после провала «Зелёных поместий», больно ударившего его по самолюбию.

В свою очередь Одри такое положение тоже смущало. Она стремилась к покою и тихому семейному счастью и вовсе не желала доминировать над мужем. Ей хотелось наконец приобрести постоянный дом, который стал бы настоящим

семейным гнездом, жить там с мужем и сыном и быть простой домохозяйкой. Хотя бы временно. Но стремление Мела быть не хуже неё приводило к тому, что они всё время переезжали, и он был постоянно занят.

> Я уверена, что для того чтобы стать по-настоящему хорошей актрисой, способной играть самые разнообразные роли, доступные мне в моём возрасте, необходимо было пройти через опыт рождения ребёнка. Раньше я этого не понимала. Теперь я это знаю.

Весной 1961 года Одри Хепбёрн начала сниматься в фильме «Детский час», в котором поднималась проблема лесбийских отношений.

В то время в Голливуде действовал так называемый «Кодекс Хейса», не пропускавший на экраны фильмы, которые могли «подорвать нравственные устои» зрителей. В число запрещённых тем входила и однополая любовь. Однако Уильям Уайлер рискнул перенести на экран знаменитую пьесу Лилиан Хеллман о двух учительницах, которых затравили после обвинения в лесбиянстве.

Одри казалось, что подобный фильм поможет ей закрепить репутацию серьёзной актрисы, ведь пока у неё в активе был только один фильм, поднимающий серьёзные жизненные вопросы, — «История монахини». Её партнёршей стала талантливейшая Ширли Маклейн, да и Уайлеру она доверяла ещё со времён «Римских каникул».

Увы, надежды не оправдались. Фильм вышел откровенно неудачным, хотя сама Одри сыграла в нём прекрасно, да и Ширли Маклейн была не хуже. Но сценарий, подогнанный под требования кодекса, был слишком невнятным, а потом ещё киностудия в «приступе цензорской истерии» вырезала из готового фильма всё, что хоть как-то указывало на излишне романтический интерес героинь друг к другу. В итоге острая трагическая история была загублена и не нашла отклика в сердцах зрителей. Актрисы, правда, удостоились вялых похвал критиков, но для их карьеры картина оказалась пустой тратой времени и сил.

> Политика должна быть направлена на благополучие людей, на избавление людей от страданий.

> «Я научила её ругаться, она научила меня одеваться».

Ширли Маклейн

Закончив работу в «Детском часе», Одри приняла предложение сняться в комедии «Париж, когда там жара».

Она была должна «Парамаунту» ещё один фильм и выбрала именно этот, потому что он во всех отношениях был подходящим: съёмки планировались в Париже, костюмы должен был делать Живанши, гонорар её устраивал, ну и наконец, после предыдущей тяжёлой картины она была рада сняться в комедии. Правда, Одри немного смущало, что её партнёром должен был стать Уильям Холден, с которым у неё был роман, когда они играли в «Сабрине». С другой стороны — воспоминания о прежней любви вызывали у неё романтическую ностальгию, и она решила, что вреда от этого не будет.

Но и этот фильм оказался не слишком удачным. Несмотря на хороший сценарий, интересную идею и целое созвездие отличных актёров, особого успеха он не имел. Частично из-за того, что сатира на кинобизнес в нём была излишне тонкой, не все её поняли (а у тех, кто понял — в частности у боссов «Парамаунта», пародия вызвала только раздражение). Частично дело было в Уильяме Холдене, которого пришлось во время съёмок лечить от алкоголизма, что привело к большой потере времени и денег. Поэтому картина вышла на экраны с большим опозданием и почти без рекламы, да ещё и вызвала нападки критиков, большинство из которых даже не поняли, что это сатира, а не романтическая комедия.

Мои морщинки — от смеха.

Мне не нравится то, что происходит со мной, с моей жизнью и с моими друзьями.

Осенью 1962 года Одри Хепбёрн получила предложение сняться в фильме «Шарада».

Она приняла его не раздумывая, едва пролистав сценарий. Роль была словно создана для неё, Одри чувствовала, что играть Реджину Лэмперт будет легко и приятно. Сценарий тоже был прекрасен — страшный, смешной, безумный и совершенно неправдоподобный, что только добавляло ему очарования. Снимать «Шараду» собирался её старый друг Стенли Донен, режиссёр «Забавной мордашки». Ну и наконец, Одри привлекало то, что её партнёром в этом фильме должен стать блистательный Кэри Грант.

Он мог стать партнёром Одри ещё в «Сабрине», и в «Любви после полудня», но оба раза отказался, и роли достались куда

менее подходящим актёрам. «Шарада» показала, какой прекрасной парой были они с Одри: несмотря на большую разницу в возрасте, они играли любовь убедительно и с большим юмором.

«Работать с ним было большим удовольствием, — рассказывала Одри. — Он был очень выразителен и в то же время сдержан… Грант показался мне очень уязвимым человеком, и он почувствовал такую же уязвимость во мне. Мы были очень похожи. Но он был гораздо мудрее и многому меня научил. Как-то раз, когда я сильно нервничала и не могла справиться с волнением, он сказал мне очень важную вещь… „Ты должна научиться больше любить себя“. Я часто вспоминаю его слова».

> Я горжусь, что занималась делом, которое приносит удовольствие, создаёт красоту, пробуждает совесть, вызывает сострадание и, может быть самое главное, даёт миллионам возможность отдохнуть от нашего такого жестокого мира.

В «Шараде» героиня Одри Хепбёрн впервые была не объектом мужских ухаживаний, а сама «охотилась» на мужчину.

Изначально этого не было в сценарии, но Кэри Гранта беспокоило, что он на двадцать пять лет старше Одри, поэтому специально под него переписали диалоги и сделали флирт со стороны Реджины более настойчивым. Эти изменения пошли на пользу фильму, они придали образу героини дополнительную пикантность и помогли Одри раскрыть неизвестные прежде грани её комедийного таланта.

Стенли Донен рассказывал, как он познакомил Кэри Гранта с Одри в одном парижском ресторане: «Одри заметила, что не может поверить, что обедает с Грантом, не говоря уже о съёмках в одном фильме. „Я так волнуюсь, — продолжала она, — я уверена, мне не удастся завершить этот обед, а что говорить о фильме…“ Кэри умел снимать напряжение. Лекарство было у него, что называется, на кончике языка. „Садитесь, — сказал он Одри, — положите руки на стол… Хорошо… Опустите голову на руки… Хорошо… Сделайте глубокий вдох… Расслабьтесь“. И тут Одри локтем опрокинула бутылку красного вина, залив Кэри весь его безупречный желтовато-коричневый пиджак».

Одри пришла в ужас и пыталась извиняться, а Грант спокойно снял с себя залитый вином пиджак, попросил отнести его в химчистку и приступил к еде. На следующий день он прислал Одри подарок и утешительную записку. Этот эпизод задал тон их отношениям на съёмках, а Донен был так восхищён, что вставил похожую сцену в фильм.

> Я благоговею перед теми гигантами, с которыми мне посчастливилось работать… Потому что именно они помогали и шлифовали, поощряли и учили, толкали и тянули, одевали и фотографировали, и с бесконечными терпением и добротой вели и воспитывали совершенно невежественную, застенчивую, неопытную, дистрофичную девушку, приводя её в «товарный вид».

20 октября 1962 года Одри Хепбёрн подписала договор на съёмки в фильме своей мечты — «Моя прекрасная леди».

Первый раз в жизни она не плыла по течению, а по-настоящему сражалась за роль. Она мечтала сыграть Элизу с тех пор, как мюзикл «Моя прекрасная леди» впервые был показан на сцене. Но когда зашла речь об экранизации, конечно же первой кандидатурой рассматривалась та актриса, которая играла в бродвейском спектакле, то есть Джули Эндрюс.

Одри никогда прежде не пыталась отбить чужую роль, это было против всех её правил. К тому же она понимала, что даже в случае победы она будет в невыигрышном положении, поскольку все будут сравнивать её с Джули. Тем более что та не только была звездой бродвейской версии мюзикла, но ещё и пела куда лучше Одри.

Но все доводы рассудка отступали перед велением сердца. «Нет ни одной другой роли, которую я так страшно хотела бы сыграть. Я должна сыграть Элизу», — говорила Одри. И в конце концов её желание сбылось.

Всё решили деньги — права на экранизацию мюзикла обошлись «Уорнер Бразерс» слишком дорого, и чтобы окупить их, им нужна была настоящая звезда в главной роли. Джули Эндрюс тоже была прекрасной актрисой, но её знали только театралы, а Одри Хепбёрн знали все.

Джули Эндрюс приняла своё поражение спокойно и только мягко предупредила Одри, что вокальные партии в мюзикле сложные, придётся немало потрудиться. Она как в воду глядела…

> Я каждый день молюсь, чтобы быть достойной этой прекрасной роли.

За роль Элизы Дулиттл Одри Хепбёрн получила больше миллиона долларов.

Это был самый большой гонорар, какой только можно было себе представить в то время, даже больше, чем Элизабет Тейлор получила за «Клеопатру». По договору, подготовленному незаменимым Куртом Фрингсом, Одри получала этот миллион в виде семи ежегодных выплат. Такая система выдачи гонорара

значительно уменьшала сумму налогов, которую ей надо было уплатить.

Но то, что Одри получала за свою роль больше всех, не означало, что на съёмочной площадке с ней носились. Наоборот, с неё и спрашивалось больше всех. Ей тяжело давалась первая часть фильма — образ замарашки, жуткий акцент, плохие манеры. Она неловко чувствовала себя в костюме цветочницы и с завистью смотрела на великолепные наряды, приготовленные художником по костюмам Сесилом Битоном для статистов, игравших роли аристократов.

Однажды она не выдержала и стала примерять эти костюмы. Они настолько ей шли, что Джек Уорнер позволил сделать фотосессию, впоследствии признанную одной из лучших подборок фотографий Одри Хепбёрн. На них она на самом деле прекрасна. «Её рот, улыбка, зубы восхитительны, выражение глаз изумительно, и всё в ней заставляет умолкнуть любую мысль о каком-либо отклонении от высочайших критериев красоты», — говорил Сесил Битон. И с ним соглашались все, кроме разве что самой Одри.

> Всё время, как я себя помню, я хотела быть красивой. Глядя на эти фотоснимки, я поняла, что пусть ненадолго, но я стала действительно красивой.

Одри Хепбёрн очень хотела сама исполнять в фильме «Моя прекрасная леди» все песни.

Она, конечно, понимала, что уступает по голосовым данным Джули Эндрюс, но тем не менее петь она умела, и у неё уже был успешный опыт исполнения вокальных партий в мюзикле «Забавная мордашка». А главное — она была уверена, что если песни запишут другим голосом, это будет выглядеть искусственно и испортит фильм.

Режиссёр пообещал, что если она расширит голосовой диапазон, то ей позволят все песни спеть самой и только на самые сложные высокие ноты возьмут дублёршу. Воодушевлённая Одри взялась за дело. Сесил Битон вспоминал: «Со дня приезда она упорно работала, и голос её окреп настолько, что она совершенно свободно могла бы справиться с большинством вокальных номеров Элизы».

Но Уорнеры решили не рисковать и, не говоря ей ни слова, сделали студийные записи всех песен в исполнении профессиональной певицы Марни Никсон. Одри досталась лишь одна песня «Just You Wait», да и та лишь для того, чтобы в титрах могли написать, что она часть песен поёт самостоятельно.

Это было большой ошибкой — если посмотреть

сохранившиеся отрывки, в которых поёт сама Одри, хорошо видно, насколько они живее и ярче. Оперный голос Никсон звучит как в студии звукозаписи, тогда как Одри каждую песню исполняла, зная, что в этот момент должна чувствовать Элиза. Фильм многое потерял из-за этого решения, а в образе Элизы появилась некоторая фальшь, из-за которой Одри даже не выдвинули на «Оскара».

> Я буду работать над своим голосом. Я готова взять столько уроков, сколько сочтут необходимым. Умение петь и танцевать — неотъемлемая часть актёрской профессии.
>
> «Одри, за миллион долларов вы можете спеть и другие песни. У нас не может быть никаких личных пристрастий».
>
> *Джек А. Уорнер*

22 ноября 1963 года Одри Хепбёрн выпал печальный долг сообщить всей съёмочной группе об убийстве президента Кеннеди.

Работа шла на закрытой площадке, куда не допускались посторонние, поэтому так и получилось, что трагическую новость, взбудоражившую весь мир, они узнали с некоторым опозданием. Одри разговаривала с режиссёром Джорджем Кьюкором, когда к ним подбежал человек с радиоприёмником.

«Я был слишком потрясён, чтобы сообщить об этом съёмочной группе, — рассказывал впоследствии Кьюкор. — Никто из нас не решался ничего сказать. И тогда Одри просто сказала: „Я это сделаю“. Она взяла громкоговоритель, в широченной юбке лондонской цветочницы влезла на стул и произнесла: „Президент Соединённых Штатов убит. Давайте пару минут помолчим. Пожалуйста, помолитесь или сделайте то, что считаете наиболее уместным“. Многие плакали, кто-то просто не понял, что произошло. Через несколько минут Одри сказала: „Пусть он покоится с миром. Да будет Господь милосерден к его душе и к нам“».

Когда Кьюкор через несколько минут заглянул в её гримёрную, он увидел, что она рыдает. Но съёмочный день на этом не заканчивался, и вскоре Одри вернулась на площадку, привела себя в порядок и стойко отработала до конца дня.

> В английских и американских театрах принято, чтобы актёр или актриса, исполняющие главные роли в спектакле, сообщали труппе обо всех важных событиях. Я

сделала только то, что должна была сделать.

23 октября 1964 года прошла премьера «Моей прекрасной леди» в Нью-Йорке. Одри Хепбёрн вызвала у публики настоящий восторг.

Приглашённые на премьеру избранные зрители были настроены достаточно негативно, поскольку все они видели театральную версию с Джули Эндрюс. И первые минуты фильма вроде бы подтверждали их уверенность, что Одри не справилась с ролью, но… как только Элиза стала превращаться из цветочницы в леди, даже самые большие скептики поддались её очарованию. После премьеры стало ясно — Одри заслужила каждый цент из своего миллионного гонорара. Если она сумела покорить элитную публику, то уж обычный зритель будет от неё в полном восторге.

Так и случилось. «Моя прекрасная леди» с триумфом прошла по экранам всего мира, несколько раз окупив свой бюджет, её включили в сотню лучших американских фильмов всех времён, в десятку лучших мюзиклов и во множество других рейтингов. А в 1965 году картину номинировали на двенадцать «Оскаров», восемь из которых она получила.

Одри Хепбёрн тоже присутствовала на церемонии, но только как гостья. Ей поручили вручить статуэтку её партнёру по фильму Рексу Харрисону, исполнявшему роль Хиггинса. А лучшей актрисой стала Джули Эндрюс за фильм «Мэри Поппинс».

Знаменитая однофамилица Одри, актриса Кэтрин Хепбёрн, восемь раз выдвигавшаяся на «Оскара» и получившая его только один раз, прислала ей утешительную телеграмму: «Не печалься. Когда-нибудь ты получишь его за роль, которая не стоит того».

> В этой номинационной суете я единственная не пребываю в недоумении. Все вокруг ищут объяснения, а для меня всё очень просто: я сыграла недостаточно хорошо.

Карьера Одри Хепбёрн вновь шла в гору, а вот брак разваливался.

И это были вещи взаимосвязанные. Одри становилась всё знаменитее, а у Мела дела шли пусть и неплохо, но до жены ему было далеко. И это всё больше его раздражало. К тому же они всё чаще снимались по отдельности, всё реже виделись и всё хуже друг друга понимали. Например, когда Мел из самых лучших побуждений попытался предложить Юберу Живанши платить Одри за то, что она рекламирует его наряды и духи или хотя бы предоставлять ей их бесплатно (кстати, Живанши сразу согласился), она сочла это настоящим оскорблением. Для неё

было неприемлемо осквернять дружбу деньгами.

После съёмок в «Моей прекрасной леди» она в очередной раз попыталась спасти брак и как хорошая жена поехала за Мелом в Испанию, где он работал над тремя фильмами. «Я понимала, как тяжело быть мужем мировой знаменитости, признанной повсюду, быть всегда вторым на экране и в жизни. Как Мел страдал… — рассказывала она. — Но поверьте мне, для меня карьера всегда была на втором месте».

Но эта попытка тоже оказалась неудачной. Когда Одри в очередной раз заговорила о том, что им нужен собственный дом, где они смогут обосноваться, Мел предложил Испанию и не желал слушать другие варианты. А Одри хотела жить в Швейцарии. И хотя она ещё пыталась найти компромисс, её терпение было уже на исходе.

> Только в семье я становлюсь настоящей. А кино — это всего лишь красивая выдумка.

Вскоре Одри Хепбёрн и Мел Феррер приобрели дом в Швейцарии и виллу в Испании.

Компромисс был найден, и брак временно удалось сохранить. Выбранный Одри дом находился во французском кантоне, в пятнадцати минутах езды от Лозанны, поскольку Одри очень хотела, чтобы Шон говорил по-французски.

Новый дом ей очень нравился, оглядывая его, она говорила: «Вот то, о чём я всегда мечтала». Она привела в порядок сад, посадила цветы, приказала соорудить во дворе детскую площадку и обставила дом мебелью, которую собирала уже много лет и хранила на складе в ожидании собственного жилья. В этом доме, который она называла «Ла пасибль» («Мирное место»), она прожила всю оставшуюся жизнь.

Мел смирился с её выбором, но не собирался навсегда оседать в тихой швейцарской глубинке. Он любил ездить по незнакомым местам, знакомиться с разными людьми и разной культурой. А если уж поселиться где-то — считал он — то в тёплом Средиземноморье. Так что, следуя его желанию, они с Одри купили виллу на испанском побережье, которая конечно же большую часть времени пустовала.

Отношения с Мелом стабилизировались, и Одри решила, что самое время родить второго ребёнка. Возможно, если бы ей это удалось, их брак продержался бы ещё несколько лет. Но к несчастью, эта беременность опять закончилась выкидышем.

> Кто из людей способен так обожать вас, как ваша собака?

В августе 1965 года Одри Хепбёрн приступила к работе над фильмом «Как украсть миллион».

Режиссёром этой авантюрной комедии был Уильям Уайлер, который уже снимал её в бессмертных «Римских каникулах» и не слишком удачном «Детском часе». Большая часть съёмок к радости Одри проходила в Париже, а художником по костюмам стал Живанши, что на сей раз было абсолютно оправдано, поскольку она играла дочь преуспевающего жулика-коллекционера.

Неожиданно Живанши вдруг решил создать ей новый образ и более того — преуспел в этом. Новая Одри была уже не элегантно-консервативная, а элегантно-современная. С новой стрижкой, в короткой юбке и ультрамодном костюме с плоскими пуговицами она выглядела на десять лет моложе своего возраста и легко сошла бы за свою среди золотой молодёжи Парижа. Это была уже не принцесса из «Римских каникул», а девушка-хулиганка эпохи «Битлз». Когда фильм вышел на экраны, мир вновь захлестнула мода в стиле Одри Хепбёрн, тысячи девушек стриглись под неё и носили такие же, как у её героини, стильные пиджачки и огромные солнечные очки.

«Одри уже относилась к „старому поколению“, которое пока ещё могло претендовать на связь с молодёжью при условии, естественно, соответствующей перестройки, — писал Александр Уолкер. — Фильм „Как украсть миллион“ доказал, что Одри способна на это: её шикарный и хорошо воспитанный гамен возродился в образе очаровательной кошечки шестидесятых годов».

> Я всегда довольствовалась тем, что у меня было, и словно белка прятала свои жёлуди. Иногда желудей было больше, иногда меньше. Но ещё не было случая, чтобы у меня не осталось ни одного!

Партнёром Одри Хепбёрн по фильму «Как украсть миллион» стал Питер О'Тул.

За его плечами уже была заглавная роль в легендарном «Лоуренсе Аравийском», поэтому по звёздному статусу они были почти равны. Но в отличие от всех предыдущих актёров, с которыми Одри приходилось играть любовь, он был не старше её, а младше на три года. Образ юной девушки остался в прошлом, во всех последующих фильмах её партнёры тоже были моложе, чем она.

На съёмочной площадке Одри и Питер легко нашли общий язык. Он оказался одним из тех редких людей, кто быстро оценил особенности её характера и понял, что она обычно немного

сдерживает себя. Для Питера это было неприемлемо — сам он всегда выкладывался на сто процентов и хотел того же от партнёров. Но он легко нашёл подход к Одри — он не пытался за ней ухаживать, но с удовольствием флиртовал и смешил её, благодаря чему между ними быстро установились прекрасные отношения. А когда Одри чувствовала себя комфортно, она переставала «зажиматься».

Съёмки шли легко и весело, иногда даже слишком весело; рассказывали, что сцену в кладовке долго не могли снять, потому что актёры всё время смеялись. Но в итоге это благотворно сказалось на фильме — он получился лёгким, весёлым и увлекательным. Зрители приняли его восторженно. А кинобоссам стало ясно, что Одри не осталась в прошлом вместе с пятидесятыми, а легко вошла в число звёзд нового времени.

> Обожаю людей, которые заставляют меня смеяться. Я, правда, думаю, что смеяться — это то, что я люблю больше всего. Это лечит множество болезней. Возможно, это самое важное в человеке.

Следующим фильмом Одри Хепбёрн стала мелодрама «Двое на дороге».

Режиссёром и продюсером этой картины был Стенли Донен, который уже снял с ней два прекрасных фильма «Забавная мордашка» и «Шарада». Именно это помешало Одри отказаться от проекта сразу — она доверяла Донену и очень хорошо к нему относилась. Несмотря на то что она совсем не видела себя в роли Джоанны Уоллес, она согласилась обсудить сценарий, но честно сказала: «Это — великолепная идея, но из неё ничего не выйдет». Однако Стенли Донен умел убеждать и искренне верил в успех будущей картины, несмотря на то, что та была на самом деле странной, не похожей на все прежние фильмы Одри и очень непривычной как для США, так и для Англии.

«Двое на дороге» — это, так сказать, комедия с печальным подтекстом о людях, которые любят друг друга, но сами доводят свой брак почти до распада. «Мы переносимся то в прошлое, то в будущее в ходе четырёх путешествий, совершаемых семейной парой. Эти путешествия во времени и пространстве охватывают двадцать лет, где были ухаживания, женитьба, супружеская измена, почти развод и некое подобие „вооружённого перемирия“. Вспыхивает ссора, и они объявляют друг другу войну, затем вновь заключают мир и предаются любви с той же искренностью, с какой только что набрасывались друг на друга».

> Это великолепная идея, но из неё ничего не выйдет.

(О фильме «Двое на дороге»)

В фильме «Двое на дороге» Одри Хепбёрн впервые снялась полуобнажённой.

Это было непривычно для неё, и режиссёр со сценаристом долго убеждали, что это на самом деле необходимо для картины. «Одри страдала излишней чопорностью, но она была тем, что французы называют „pudique“ („стыдливая“). „Скромная“ — вот, мне кажется, то слово, которое лучше всего её характеризует, — рассказывал автор сценария Фредерик Рафаэль. — Её всегда ограничивала и сдерживала мысль о том, какое представление о ней может сложиться у зрителей».

Но сказать по правде, Одри больше беспокоила не эта сцена и даже не то, что её героиня по сюжету изменяет мужу или ругается грубыми словами. Куда сильнее её нервировало то, что она увидела в сценарии очень много параллелей со своей собственной жизнью. Нет, Рафаэль писал не о них с Мелом, просто многие не слишком счастливые браки чем-то похожи друг на друга. И Одри, прочитав сценарий, вдруг отчётливо осознала, что её брак действительно несчастливый.

Она хотела отказаться, надеясь забыть об этом и всё же сохранить свою семью. Но Мел неожиданно поддержал Донена. «Одри всегда сама принимает решение, сниматься или не сниматься в фильме, — рассказывал он. — Но когда я прочёл сценарий „Двоих на дороге“, я сразу же посоветовал ей согласиться на эту роль — и был прав».

> Я никогда не считала себя красивой. Мне не нравилась моя плоская грудь. Мне не нравились мои костлявые плечи, большие стопы и крупный нос.

Мужа Одри Хепбёрн в фильме «Двое на дороге» сыграл Альберт Финни.

Он был на несколько лет моложе неё, и у него в активе было лишь четыре фильма, но за один из них он получил номинацию на «Оскар» и «Золотой глобус». Впрочем, Финни вообще снимался мало — он был прежде всего талантливым театральным актёром, и его даже называли «новым Лоуренсом Оливье».

Кроме того, он был большим шутником и при первой встрече ошарашил Одри, изображая перед ней смешного самовлюблённого красавчика нетрадиционной ориентации. Она была в ужасе от его ужимок, но хорошее воспитание заставило её терпеть и улыбаться. А режиссёр с интересом на них смотрел и гадал, кто сдастся первым. Оказалось — всё же Финни. «Терпение у него лопнуло, — вспоминал Донен, — и он взорвался

приступом дикого хохота. Глаза Одри округлились, сделавшись огромными глазами Хепбёрн, известными всему миру. Она поняла, что её разыграли, и она, не тая никакого зла, присоединилась к восторгу Финни, а он забрасывал её заверениями, что с ним всё в полном порядке».

Этот розыгрыш пошёл фильму во благо, поскольку не только помог Одри и Альберту Финни сразу найти общий язык, но и задал нужный тон отношениям их героев. А промелькнувшая в первый день знакомства симпатия сначала переросла в тёплые дружеские отношения, а потом и в нечто большее. Впервые за много лет у Одри начался роман с её партнёром по фильму.

> Всегда надеешься, что если будешь любить человека, то всё будет хорошо. К сожалению, так получается не всегда.

Стенли Донен заставил Одри Хепбёрн сниматься в магазинной одежде, а не в эксклюзивных нарядах от Живанши.

Для этого ему пришлось выдержать настоящую войну. Одри упорно сопротивлялась, как всегда, когда кто-то вставал между ней и одеждой от Живанши, в которой она всегда чувствовала себя защищённой. Но Донену как раз нужно было, чтобы она на экране выглядела менее уверенной и более уязвимой.

Конечно, Одри он этого говорить не стал, а привёл простой и убедительный аргумент, что Джоанна Уоллес — не миллионерша и не светская дама, поэтому у неё не может быть платьев от такого дорогого модельера. А поскольку «Двое на дороге» были не сказкой, как многие другие фильмы Одри, а картиной в реалистическом жанре, такое несоответствие бросалось бы в глаза.

Живанши готов был упростить стиль Одри, сделав её одежду более похожей на магазинную, но Донена это не устраивало — он не хотел воевать с ней потом из-за каждой детали. Наконец Одри сдалась. Правда, консультант по костюмам вскоре не выдержал её придирок и уволился, но зато пришедшая на его место Клэр Рендлсхэм оказалась дамой крепкой и вскоре одела Одри в готовое платье из дорогих магазинов.

«Одри Хепбёрн в „Двоих на дороге“, — писал один журнал мод, — урок всем тем девицам, которые считают, что когда вы перешагнули тридцатилетний барьер, вам больше ничего не остаётся, как подобрать волосы и повязать платок пониже. Одри доказывает, что это не так».

> Успех — это всё равно что достичь какой-то круглой даты и увидеть, что вы ничуть не изменились. Успех

налагает на меня обязанность жить так, чтобы быть достойной этого успеха. А если посчастливится, то даже его пережить.

Несмотря на то что Одри Хепбёрн с Альбертом Финни вели себя очень сдержанно, слухи об их романе дошли до Мела Феррера.

Раздули эти слухи, конечно, журналисты, потому что даже на съёмочной площадке далеко не все были уверены, что между ними существует нечто большее, чем просто дружба. Ирвинг Шоу, приезжавший на съёмки, рассказывал: «Они вели себя так, словно были подростками, братом и сестрой. Когда появлялся Мел, Одри и Элби сразу же становились официальными и даже несколько неуклюжими, будто теперь они вынуждены были вести себя подобно взрослым».

Биограф Одри, Дональд Спото, писал, что незадолго до конца съёмок она вдруг очень сильно разнервничалась, и никто не мог понять почему. Потом выяснилось, что Мел потребовал немедленно прекратить отношения с Финни, иначе он грозил подать на развод по причине её неверности. Одри была в ужасе — такой скандальный развод мог лишить её сына, ведь в те времена суд ни за что не оставил бы ребёнка «гулящей» матери.

Все знали, что Мел тоже не был чист и невинен: их отношения с Одри давно были прохладными, и у него случались интрижки на стороне. Но об этом не трубили в прессе, а значит, он был куда в менее уязвимом положении, чем она.

Ради сына Одри тут же порвала с Финни. Но её брак с Мелом Феррером это уже не спасло.

То, что вы больше всего любите, вы больше всего боитесь потерять.

Мало кто знает, что Одри Хепбёрн боялась воды.

«Я обнаружил своеобразный страх в Одри, — рассказывал режиссёр фильма „Двое на дороге“ Стенли Донен. — Она не любила погружаться в воду, будь это море или плавательный бассейн. Когда мы дошли до сцены, где Альберт берёт её и бросает в гостиничный бассейн, она мне сказала: „А не могли бы вы использовать здесь дублёра?“ Я ответил: „Одри, это такая сцена, которую я никак не могу снять с дублёром. Зритель должен понять, что в бассейн бросили именно тебя и никого другого“. „Ну что ж, — сказала она, — если Элби бросит меня туда, со мной вполне может случиться сердечный приступ“».

Одри упорствовала три дня, но как и в вопросе с костюмами, Донен оказался упрямее, а его аргументы убедительнее. В конечном счёте Одри смирилась и согласилась сниматься в этом

эпизоде. Но о причинах своих страхов она рассказала только много позже: «Видите ли, когда мне было девять лет, в Голландии, купаясь в пруду, я запуталась в водорослях. Тогда я почти совсем не умела плавать. Водоросли тянули меня вниз, а у меня оставалось всё меньше и меньше сил. Я наглоталась воды, пытаясь выпутаться, и пока не подоспела помощь, я думала, что утону. Даже сейчас я, проплыв совсем немного, чувствую возвращение той паники. Хотя Мелу всё-таки удаётся уговорить меня войти в море, я плаваю, высоко подняв голову над водой».

> Во всех своих ночных кошмарах я вижу, как меня накрывает волна, и я захлёбываюсь. Это отвратительно и ужасно.

В начале 1967 года Одри Хепбёрн начала сниматься в фильме «Дождись темноты», продюсером которого был Мел Феррер.

По удивительной причуде судьбы она была знакома с режиссёром этого фильма Теренсом Янгом, но не по работе, а ещё со времён войны. Он был в составе британских войск, освобождавших Голландию, получил ранение в бою за город Арнем, после чего лежал в госпитале, где были сёстрами милосердия Элла ван Хеемстра и её дочь Одри. В 1945 году Янг снял документальный фильм под названием «Люди Арнема», с которого и началась его успешная режиссёрская карьера.

Одри в фильме «Дождись темноты» предстояло играть роль слепой девушки, преследуемой наркоторговцами. Сама эта мысль её ужасала, но делать было нечего — продюсировал картину Мел Феррер, для него это была очень важная работа, и Одри не могла его подвести, тем более после её недавней измены. Автором пьесы был Фредерик Нотт, знаменитый благодаря своему триллеру «В случае убийства наберите „М“». Студии права на экранизацию обошлись довольно дорого, и Мелу необходима была Одри, чтобы быть уверенным в коммерческом успехе фильма.

Однако напряжённость в их отношениях была очень хорошо заметна окружающим, и некоторые даже деликатно советовали Одри сходить к психологу. Она наотрез отказалась. А после окончания съёмок они с Мелом договорились временно пожить раздельно.

> Как странно, что не существует науки мира, а наука войны существует.

Готовясь к роли слепой девушки, Одри Хепбёрн ездила в клинику для слепых и училась ходить на ощупь.

В клинике она общалась со слепыми и расспрашивала докторов, как люди восполняют отсутствие зрения. Вернувшись, она стала надевать на глаза специальную повязку и передвигаться на ощупь. Она ходила с помощью трости, пыталась узнать людей по звуку шагов, вслепую пользовалась телефоном и готовила чай.

Благодаря такой подготовке в фильме она очень естественно изображала слепую. Но оказалось, что этого недостаточно — на плёнке её глаза выглядели слишком выразительными и слишком ярко блестели. Пришлось заказать контактные линзы. Визуально они давали нужный эффект, но у Одри от них сильно болели глаза, что, конечно, не улучшало её настроение.

А настроение у неё и так было плохое — киностудия «Уорнер Бразерс» отказалась переносить съёмки в Европу, и из-за этого Одри пришлось заплатить со своего гонорара очень большие налоги. К тому же ей сообщили, что костюмы от Живанши обойдутся слишком дорого, поэтому одежду для её героини будет шить модельер подешевле. Студия экономила буквально на всём, и лишь благодаря Курту Фрингсу, который ещё на стадии заключения контракта сумел выговорить для Одри некоторые привилегии, ей удалось дожить до конца съёмок без нервного срыва.

> Отдавать — значит жить. Если перестанешь отдавать, не для чего станет жить.

За фильм «Дождись темноты» Одри Хепбёрн в последний раз была номинирована на «Оскар» и «Золотой глобус».

Вообще-то фильм получился довольно средний, и если бы не великолепная игра Одри и умение режиссёра нагнетать напряжение, он забылся бы сразу после выхода на экраны. В пьесе Фредерика Нота было много нестыковок и искусственно созданных ситуаций, но они компенсировались определённой внутренней логикой и динамикой. Динамика в фильме осталась, а вот логика исчезла на стадии сценария окончательно — например, слепой героине ни разу не приходит в голову мысль запереть дверь, чтобы злодеи не могли проникнуть в её дом.

Но Одри была так органична и искренна в роли слепой девушки, что критики простили фильму все недостатки и в один голос восхищались её талантом. Понравился фильм и зрителям — они сочувствовали героине и с удовольствием пугались за неё и вместе с ней. Тем более что во время показа фильма в кинотеатрах для большего эффекта в последние пятнадцать минут в зале полностью гасили свет, и на экране почти ничего не было видно, а были только слышны крики героини и учащённое дыхание пытающегося её убить злодея. Напряжение достигало

такого уровня, что на улице возле крупных кинотеатров дежурили машины «скорой помощи».

> Когда-то вручение «Оскаров» было церемонией. Теперь это только ритуал.

После окончания съёмок «Дождись темноты» и очередного выкидыша Одри Хепбёрн решила расстаться с Мелом Феррером.

Она не собиралась разводиться официально, ведь она всегда считала, что замуж надо выходить один раз и на всю жизнь, и два развода её матери стали для неё примером того, как не должно быть в её жизни. К тому же Мел был ей по-прежнему очень дорог и как отец её сына, и как хороший друг, много сделавший для неё и для её карьеры. Если бы не он, она так и работала бы за гроши.

Но главное — она боялась в случае официального развода потерять сына. Если бы Мел стал судиться за опекунство, суд скорее всего стал бы на его сторону. А это для Одри стало бы настоящим крахом мира. Поэтому они с Мелом договорились просто пожить отдельно какое-то время, чтобы отдохнуть и подумать о будущем.

Это известие, сразу же подхваченное журналистами, совпало с выходом фильма «Двое на дороге», поэтому пошли слухи, будто бы разъезд знаменитых супругов — лишь рекламный трюк. Но те, кто знал Одри, поняли, что всё серьёзно, она такими вещами никогда не шутила даже ради самой большой рекламы.

Мел занялся работой над новой постановкой «Майерлинга». Одри он приглашать уже не стал, и она с удовольствием уехала в Швейцарию. Но покой и размышления не привели их к примирению. В начале 1968 года Одри всё-таки подала на развод.

> Когда распался наш брак, это было ужасно. Более того, это было горьким разочарованием для меня. Я полагала, что брак между двумя добрыми, любящими друг друга людьми должен существовать до тех пор, пока один из них не умрёт. Я не могу выразить, насколько я была разочарована.

После фильма «Дождись темноты» Одри Хепбёрн заявила, что решила сделать перерыв в работе и временно покидает кино.

«Пройдёт много времени, прежде чем я снова появлюсь на экране, — сказала она. — Я обещала сыну не меньше двух тысяч часов моего времени».

Вряд ли тогда кто-то мог предполагать, что этот перерыв затянется на восемь лет. Сама Одри и впоследствии объясняла свой «отпуск» тем, что она хотела побольше бывать с сыном. «Я

бросила работу, когда мой сын Шон пошёл в школу. Я всегда так хотела иметь детей, что ужасно страдала, когда мне приходилось расставаться с ним ради съёмок. Я не могла больше выносить разлуку с ним, поэтому перестала сниматься».

Но большинство биографов считают, что Одри немного лукавит, объясняя свой уход из кино только желанием быть с сыном. Она не могла не заметить, что в кино настала новая эпоха, где её героиням уже не было места. А меняться в соответствии с требованиями времени и сниматься в фильмах, где много секса и насилия, она не хотела. «Двое на дороге» и «Дождись темноты» — это был предел того, что она могла себе позволить, не поступаясь принципами. Тем более что за последние фильмы она заработала достаточно, чтобы ни в чём не нуждаться.

Так и получилось, что с 1968 года Одри Хепбёрн стала домохозяйкой…

> Я скажу вам просто: у меня нет абсолютно никакого желания работать. И нет нужды обращаться к психиатру за разъяснением причин этого нежелания.

Летом 1968 года Одри Хепбёрн познакомилась с итальянским врачом Андреа Дотти.

Большинству её друзей было сразу ясно, что Одри недолго пробудет одна. Она слишком привыкла, что рядом с ней есть человек, к которому можно обратиться за советом и поддержкой. Мел не был идеальным мужем, но она всегда знала, что может на него опереться.

К тому же развод с Мелом совпал с её уходом из кино, поэтому получилось, что она разом порвала не только личные, но и деловые связи. Одри вдруг поняла, что оказалась в пустоте — ей практически не с кем было поговорить и нечем было заняться. Оказалось, что быть только матерью для неё недостаточно, она привыкла много работать и общаться с большим количеством людей.

Тогда её приятельница графиня Лователли, к которой она периодически ездила в гости, здраво решила, что Одри нужен новый мужчина. И начала активно знакомить её с подходящими женихами. Весной и летом 1968 года журналисты периодически фотографировали Одри то со знаменитым матадором Антонио Ордоньесом, то с принцем Альфонсо де Бурбоном, то с князем Марино Торлониа. Всё это были яркие интересные люди, но по разным причинам ни с одним из них отношения у неё не сложились.

Пока наконец в круизе на яхте французского промышленника Поля Вейера она не встретила итальянского графа Андреа Дотти,

горячего поклонника её таланта.

> Боишься не старости и даже не смерти, а одиночества и отсутствия любви… Мне кажется, меня никогда бы не стали беспокоить мысли о старости, если бы я знала, что меня всегда будут любить и у меня будет возможность отвечать любовью на любовь.

В январе 1969 года Одри Хепбёрн вышла замуж за Андреа Дотти.

«Я влюбилась и счастлива, — говорила она. — Никогда не думала, что со мной может произойти такое. Я почти перестала надеяться».

Он был почти на десять лет моложе неё, обаятельный, улыбчивый, внимательный. Ещё во время круиза он сумел вывести её из депрессии, чему немало способствовали его профессиональные навыки — Дотти был заместителем директора психиатрической клиники Римского университета. Хотя сам он говорил: «Я никогда не был для неё психиатром. Наши отношения были совершенно другими. Мы вместе развлекались на яхте с нашими друзьями, и постепенно, день за днём, наши отношения становились более серьёзными и глубокими».

А уже осенью Живанши, которого она навестила в Париже, рассказывал: «Она заметно воспрянула духом. Нет, конечно, она ничуть не поправилась, это было не в её стиле. Но она была счастлива, и по её телу это было заметно».

Дотти нельзя было заподозрить ни в меркантильности, ни в желании прославиться за её счёт. Он был преуспевающим врачом, графом с большими связями. Он хотел иметь детей, и главное — он подружился с Шоном. Ну как можно было ответить отказом на его предложение руки и сердца? «Он такой жизнерадостный и энергичный человек, — говорила Одри. — И совершенно очевидно, что, когда я поближе с ним познакомилась, я поняла, какой он думающий и глубоко чувствующий человек».

> Я вышла замуж за человека исключительных знаний, разговаривать с которым можно бесконечно.

Одри Хепбёрн и Андреа Дотти поселились в Риме.

Свекровь предлагала ей два этажа своего палаццо, но несмотря на то, что у неё были хорошие отношения с роднёй мужа, Одри предпочла вежливо отказаться. Они с Дотти сняли прекрасную квартиру с видом на Тибр в доме, бывшем когда-то кардинальской резиденцией.

Одри увлечённо занималась ремонтом новой квартиры и

вообще с явным удовольствием играла роль итальянской домохозяйки. Она даже не читала присылаемые ей сценарии — сейчас ей это было неинтересно, её внимание полностью занимали муж, сын и новый круг общения.

Семья Дотти приняла её прекрасно. Вообще-то итальянская аристократия весьма сдержанно относилась к бракам вне своего круга, но Одри была голливудской звездой, а это в их глазах равнялось почти королевскому происхождению. Поэтому они с удовольствием приняли её в свой круг, приглашали в гости и с гордостью демонстрировали друзьям.

Кино же теперь интересовало Одри в основном теоретически. Она ходила в кинотеатр, но знакомство с новинками лишь больше убеждало её, что возвращаться нет смысла. Фильмов, в которых она могла бы сыграть, просто не было. В её вкусе были разве что приключенческие истории про Джеймса Бонда, но даже они казались ей слишком жестокими.

> Некоторые фильмы очень хороши. Вне всякого сомнения, для них есть место в современном обществе, но я не нахожу в них места для себя.

8 февраля 1970 года Одри Хепбёрн родила второго сына.

Беременность обнаружилась уже через четыре месяца после свадьбы. Одри это очень обрадовало, но, конечно, и обеспокоило — всё-таки ей было уже почти сорок, и она пережила несколько выкидышей. Но к счастью, на этот раз всё обошлось. Рожала она в Лозанне, путём кесарева сечения. Мальчика назвали Лукой.

Этому ребёнку радовались все, кроме разве что поклонников Одри, понимавших, что её возвращение в кино откладывается. Дотти был счастлив, его родня тоже, а уж про саму Одри и говорить нечего, она давно мечтала о втором ребёнке.

Шон воспринял появление младшего брата спокойно, поэтому семейной идиллии появление Луки не нарушило. Правда, идиллия эта была не совсем настоящей — Одри прекрасно знала, что пока она была в Швейцарии, Дотти не раз фотографировали с красивыми женщинами. И хотя он отрицал какие-либо личные отношения, утверждая, что это его пациентки или коллеги, она чувствовала, что в слухах есть доля правды. Но как и во времена брака с Мелом, она предпочитала закрывать глаза на всё, что могло нарушить её душевное равновесие. Когда стало ясно, что Дотти не так идеален, как ей казалось, Одри предпочла не думать об этом, а сосредоточиться на воспитании сыновей.

> Люди часто спрашивают меня, не скучно ли мне

быть обычной женой и матерью. Совершенно не скучно. Самая важная моя задана — воспитание сыновей. Конечно, дети растут сами, но им необходима любовь. Они не могут получать любовь только от себя самих.

Брак Одри Хепбёрн и Андреа Дотти был обречён с самого начала, поскольку они оба ждали от этого брака совершенно разного.

Андреа Дотти женился на кинозвезде. Он влюбился в неё ещё подростком, она была его мечтой, его райской птицей. И смотреть, как она превращается в обычную домохозяйку, для него было всё равно что смотреть, как райская птица превращается в домашнюю курицу. «Ему потребовалось определённое время, чтобы понять, что Одри и девушка из „Римских каникул“ — это не одно и то же, — говорил один из его друзей, — но когда он всё-таки это понял, он как будто бы пробудился от прекрасного сна. Реальность не могла удовлетворить его».

Неудивительно, что он оказался чувствителен к искушениям, подстерегавшим его как мужа кинозвезды. «Я сказала ему, что некоторых людей — женщин в основном — может привлечь к нему тот факт, что он женат на мне, а это не только не принесёт ему никакой пользы, но может оказаться рискованным для его профессиональной репутации», — говорила Одри. И она как в воду глядела.

Дотти хотел гордиться женой, он с удовольствием давал интервью журналистам и не скрывал, что полностью за то, чтобы она снова начала сниматься. «Моя жена обязательно вернётся в кино, — говорил он. — Она — великая актриса, и было бы преступно лишать её того, что она любит». И конечно, его очень разочаровало, что она этого не сделала.

У меня с мужем то, что вы назвали бы «свободными отношениями». Это неизбежно, мне кажется, когда муж моложе жены.

Между 1967 и 1976 годами Одри Хепбёрн появлялась на экранах дважды, но это нельзя было назвать возвращением в кино.

В 1970 году она вместе с Барброй Стрейзанд, Ричардом Бартоном, Джули Эндрюс, Ширли Маклейн и другими звёздами появилась в телевизионном фильме «Мир любви». Гонорар за этот фильм им не выплачивался, так как снимался он с благотворительной целью собрать деньги для ЮНИСЕФ — организации помощи детям в рамках ООН. Ради съёмок в этом фильме Одри даже полетела в Америку, где не была со времён работы над фильмом «Дождись темноты».

Второе появление Одри на экране в эти годы можно назвать практически полной противоположностью первому. В начале семидесятых годов она снялась в своей первой и единственной в жизни телевизионной рекламе. В четырёх японских роликах она рекламировала — кто бы мог подумать — парики. Сделала она это по банальной причине — деньги. За полтора дня работы ей заплатили почти как за целый фильм. Впрочем, она знала, что её очень любят в Японии, поэтому была рада передать привет своим поклонникам.

От всех остальных предложений она отказывалась, хотя они продолжали поступать с завидной регулярностью. Однако время шло, деньги заканчивались, а Одри привыкла не стеснять себя в средствах. К тому же у неё заболела мать, и на лечение потребовалась очень крупная сумма. И в конце концов Одри стала внимательнее присматриваться к предлагаемым сценариям.

> Дело не в том, что на меня поднялся спрос, всё дело в росте инфляции. Я остаюсь великой, а фильмы становятся мельче.

В 1975 году Курт Фрингс прислал Одри сценарий под названием «Возвращение Робин Гуда».

Это была грустная и остроумная история о постаревшем Робине, вернувшемся из Крестового похода, и его бывшей возлюбленной, девице Мэриан, ставшей настоятельницей монастыря.

Идея сразу подкупила Одри — ей показалось, что героиня чем-то похожа на неё. Да и вообще, сценарий был достойный, в таком фильме не стыдно было сняться после девяти лет перерыва. К тому же Робина должен был играть Шон Коннери, которого она обожала в роли Джеймса Бонда. Да и гонорар предлагали достаточный, чтобы решить её финансовые затруднения.

«Как только мы пообещали ей снять фильм в течение летних каникул, и поэтому она может взять детей с собой в Испанию, а также заверили её, что мы закончим съёмки к началу школьного учебного года, нам больше не потребовалось никакого давления, — рассказывал режиссёр Ричард Лестер. — Но её нужно было успокаивать, говоря, что на экране она будет выглядеть великолепно. И это потребовало некоторых усилий. Ведь она не снималась целых восемь лет. Кино за это время сильно изменилось».

Обдумав все за и против, Одри Хепбёрн всё-таки дала согласие сниматься. Это стало настоящей сенсацией. Режиссёра, продюсера и актёров осаждали журналисты. Фильм сразу был переименован в «Робина и Мэриан». Все ждали — каким будет

возвращение Одри Хепбёрн?

> Я всегда нервничаю в начале картины. Каждый раз неизвестно, чем всё это кончится и как пройдёт.

К облегчению Одри Хепбёрн, фильм «Робин и Мэриан» был доброжелательно принят зрителями и критикой.

Она всегда нервничала, начиная работу над новой картиной, но в этот раз особенно. Её беспокоило всё — что она разучилась играть, что её забыли, что она ужасно выглядит и на экране будет казаться старухой. «Освещение такое, — говорила она, — что я выгляжу так, будто меня уже сейчас нужно отправлять в гериатрическую клинику». К тому же она не понимала стиля работы режиссёра, переживала из-за того, что фильм корректируют по ходу съёмок, и страшно страдала от жары.

К счастью, ей повезло с партнёром — Шон Коннери старался уступать ей и помогал находить общий язык с режиссёром. «Ему нравилось, когда работа шла быстро, — вспоминал режиссёр, — он с радостью будет играть ту или иную сцену без всякой репетиции. Одри же предпочитала хорошенько выверить всё заранее, а затем отделаться от проработанной сцены как можно скорее за один или за два дубля. Нам пришлось искать что-то среднее. Шон вёл себя на репетициях как настоящий джентльмен».

Их усилия не пропали даром — фильм получился печальный и трогающий за душу. «Перед нами, — писал Винсент Кэнби в „Нью-Йорк Таймс“, — разыгрывается история любви без какой-либо умной болтовни и комических эффектов, и в основном благодаря великолепному лицу мисс Хепбёрн, которого время лишь слегка коснулось словно только для того, чтобы показать нам, каким испытанием стали для Мэриан последние двадцать лет».

> Я несчастная девушка среди пропащих парней из Шервудского леса.

После «Робина и Мэриан» об Одри Хепбёрн разом вспомнили и зрители, и журналисты, и киностудии.

В начале 1976 года она отправилась в Америку рекламировать свой новый фильм, и там её сразу пригласили в Лос-Анджелес, на церемонию «Оскара». Ей досталась почётная обязанность вручить премию за фильм «Пролетая над гнездом кукушки», и как писали журналисты — она была воплощением элегантности. Потом она поучаствовала в другой, более важной для неё церемонии — вручения Уильяму Уайлеру «Оскара» за

достижения в области киноискусства.

На этом мероприятии она произнесла речь, в которой благодарила режиссёров, у которых ей пришлось сниматься: «Я не пытаюсь скромничать, но без этих режиссёров меня бы просто не было… Во мне живёт множество комплексов. Мне очень трудно выступать перед публикой…»

Возвращаясь домой, она сделала остановку в Нью-Йорке, где как раз проходила премьера фильма «Робин и Мэриан». Когда Одри увидела тысячи поклонников, ожидающих её у входа «Радио Сити Мюзик-Холл» с белыми розами и орхидеями, она расплакалась. Она и не ожидала, что кто-то до сих пор помнит, какие цветы она любит.

Когда она вернулась в Европу, ей предложили несколько сценариев. Но достойным внимания среди них был только фильм о войне «Мост слишком далеко», от которого ей пришлось отказаться, потому что он будил тяжёлые воспоминания.

> Моих режиссёров роднит одно — рядом с ними я чувствую в себе уверенность, чувствую себя обожаемой. Я полностью полагаюсь на них. Я была балериной, а они сумели сделать меня актрисой, которую любят зрители.

К весне 1978 года брак Одри Хепбёрн и Андреа Дотти окончательно распался, хотя развод они оформили только в 1981 году.

Сама она старалась сохранить достоинство и объясняла их расставание тем, что они слишком разные люди — Андреа любит город, шумные компании, развлечения, а она негородской человек, предпочитает тишину и покой. Но её сын Шон спустя много лет говорил, что даже он знал о похождениях отчима: «Он был настоящий женолюб. Он просто не понимал, как это можно хранить верность. Не самый лучший выбор для женщины, которая стремится к стабильности и безопасности».

Признавал это и Дотти — он говорил, что искренне любил Одри, но верностью действительно не отличался, хотя и старался скрывать от неё свои измены, чтобы не расстраивать. В свою очередь Одри поняла это довольно быстро, но делала вид, будто всё в порядке: «Я решила, что мой второй брак будет и последним, и потому отодвинула в сторону мою профессиональную карьеру ради того, чтобы сохранить его. Когда у нас появился Лука, это ещё больше укрепило мою решимость…»

И вновь Одри держалась за брак до последнего. Даже после решения разъехаться она не оставляла надежды, что Дотти исправится и они заживут счастливо. В 1979 году они вновь пытались сойтись, но после нескольких недель совместной жизни

трещина между ними стала только глубже. Стало ясно, что надо расставаться окончательно.

> Мой муж привык то взлетать, то садиться, так же как и я. Мы как будто обречены быть навеки привязанными к аэропортам и самолётам.

В 1978 году Одри Хепбёрн дала согласие сниматься в фильме по роману Сидни Шелдона «Узы крови».

Несмотря на то что сценарий был гораздо хуже романа, да и роль ей не очень подходила, Одри всё же решила, что стоит попробовать. Всё-таки с режиссёром Теренсом Янгом они вполне успешно работали в «Дождись темноты», актёрский состав картины был достаточно сильный, да и гонорар ей предложили такой, от которого грех отказываться. «Я коплю себе на пенсию», — говорила Одри, и это уже почти не было шуткой.

Сидни Шелдон специально под неё подкорректировал сценарий, сделав героиню на десять лет старше (изначально ей было двадцать пять), съёмки решено было вести в Лондоне, Цюрихе, Париже, Нью-Йорке и Сардинии, костюмы для Одри вновь делал Живанши. Всё это наполняло её оптимизмом, увы, безосновательным.

Фильм получился откровенно слабым. Критика разнесла его в пух и прах. «Отвратительный, банальный, начисто лишённый юмора, неряшливо сделанный… и настолько бессвязный фильм, что за сюжетом практически невозможно следить», — писала «Санди Экспресс». Правда, надо сказать, что Одри Хепбёрн эта волна негодования почти не коснулась. Её критиковали в основном за то, что она решила сниматься в таком плохом фильме. «И что же, по мнению советников мисс Хепбёрн, она могла спасти в сценарии, представлявшем собой совершенно безнадёжный хаос?» — писала «Ивнинг Стандарт».

> Чем старше ты становишься, тем всё чаще должен либо воздерживаться от работы вообще, либо браться за глупые и ужасающие роли.

После расставания с Андреа Дотти Одри Хепбёрн сосредоточилась на работе.

Как раз в это время режиссёр и сценарист Питер Богданович предложил ей главную роль в романтической комедии «Они все смеялись». Одри согласилась почти сразу — во-первых, потому, что героиня была близка ей по духу (что неудивительно, поскольку Богданович во многом с Одри её и писал), а главное, потому что гонорар за шесть недель работы в этой картине

составлял миллион долларов. К тому же её сына Шона тоже пригласили поработать на съёмочной площадке и дали ему маленькую роль в фильме, что не могло её не порадовать.

К сожалению, картина не имела успеха, хотя была не так уж и плоха. Скорее она просто не попала «в струю». Да и Богданович переборщил с количеством сюжетных линий — зрители просто путались в происходящем. Одри опять хвалили, но писали, что режиссёр так плохо её показал, что «если бы это было не кино, а брачный союз, она вполне могла бы подать на развод».

Но окончательно погубили фильм связанные с ним трагические события — через несколько недель после окончания съёмок актриса Дороти Стреттен, игравшая одну из основных ролей, была убита своим ревнивым мужем, когда решила уйти от него к Богдановичу. «Последствия гибели Дороти для фильма были крайне неблагоприятны… — писал он много лет спустя. — Теперь единственное, о чём мог думать зритель, глядя на экран, была смерть Дороти».

> Какой смысл быть звездой, если не можешь сделать ничего хорошего и полезного?

В конце 1979 года Одри Хепбёрн познакомилась с голландским актёром Робертом Уолдерсом.

Дело было ещё во время подготовки к съёмкам «Они все смеялись». На каком-то обеде Уолдерса посадили рядом с Одри, и они сразу нашли общий язык. Уолдерс недавно пережил большую трагедию — умерла его горячо любимая жена, актриса Мерл Оберон, с которой они счастливо прожили семь лет, несмотря на то, что она была на двадцать пять лет старше него.

Все друзья пытались его утешить, но удалось это только Одри, которая в это время переживала из-за распада своего брака с Дотти. Встретив куда более несчастного человека, она забыла о собственных горестях и попыталась его подбодрить. «Меня словно молнией ударило, когда она произнесла несколько слов на голландском, — вспоминал Уолдерс. — Но я думал, что этот роман невозможен».

Оказалось, что всё возможно. Весной 1980 года они уже стали жить вместе, хоть и не афишировали этого, потому что Одри пока ещё была замужем. Уолдерс помог ей пережить трудный бракоразводный процесс, и чем дальше, тем больше они становились нужны друг другу.

И Шон, и Элла ван Хеемстра отнеслись к этому роману спокойно. Они знали, что Уолдерс очень состоятелен, значит в охоте за деньгами его подозревать не было смысла. К тому же они с Одри не собирались заключать брак. Им было просто хорошо

вместе, и они не хотели ничего менять.

> Мы никогда не воспринимаем нашу совместную жизнь как «жизнь во грехе», для нас она всегда была «жизнью в любви».

Несмотря на окончательный уход Одри Хепбёрн из кино, её известность не уменьшалась.

Её часто приглашали на разные приёмы в честь знаменитостей и для вручения наград. Она принимала эти приглашения, несмотря на любовь к тихой жизни. Всё-таки с возрастом она стала больше ценить свою славу и радовалась, что её помнят.

А её действительно не забывали — когда она снималась в телефильме, посвящённом Уильяму Уайлеру, поклонники толпами собирались везде, где она появлялась. А когда она подписывала экземпляры книги «Сады этого мира», которую написала в соавторстве по циклу телепередач, очередь была такая, что ей в конце концов пришлось уходить через чёрный ход, чтобы не остаться ночевать в магазине.

В 1986 году она приняла предложение сняться в телефильме «Любовь среди воров». Уже не ради денег или славы, а просто так, чтобы не скучать. Фильм был простеньким и ничего особенного из себя не представлял, но Одри сразу стали вновь присылать сценарии, в надежде, что она опять вернётся в кино.

Однако она не собиралась возвращаться. Эта страница её жизни была закрыта. Но и просто сидеть сложа руки ей тоже надоело. Оказалось, что покой и тихая семейная жизнь тоже надоедают. Теперь Одри нуждалась в каком-нибудь новом деле, которым стоит заняться. И такое дело скоро появилось.

> Существует хороший, хотя и старомодный принцип: сначала подумай о других, а потом уже о себе.

В октябре 1987 года началось сотрудничество Одри Хепбёрн с ЮНИСЕФ, которое продолжалось до самой её смерти.

Одри согласилась участвовать в гала-концерте, все участники которого пожертвовали свой гонорар в фонд ЮНИСЕФ (Международный чрезвычайный детский фонд ООН). После этого она решила, что должна сделать для детей ещё что-нибудь и предложила ЮНИСЕФ принять участие в благотворительном концерте в Японии. «Число слушателей превысило самые фантастические предположения. Это было событие национального значения, — вспоминала Криста Рот, занимавшаяся координацией благотворительных проектов. — Я

думала, что впечатления, полученные Одри на том концерте, заставили её принять окончательное решение: если ЮНИСЕФ желает воспользоваться её именем и славой для оказания помощи тем детям, которые в ней нуждаются, Одри пойдёт на это. Но это было только начало. Никто не мог тогда предвидеть, к чему это всё приведёт».

В 1988 году Одри в составе делегации послов доброй воли поехала от ЮНИСЕФ в страдающую от голода Эфиопию. С тех пор вся её оставшаяся жизнь была связана с благотворительной деятельностью.

Она ездила в самые нищие страны Азии и Африки, встречалась с главами государств, доставляла продовольствие, собирала деньги для голодающих, а главное — привлекала внимание всего мира к проблемам нуждающихся. «Я ждала эту работу сорок пять лет, — говорила она. — Наконец-то мне представилась возможность сделать что-то стоящее».

> Спасти одного ребёнка — великое благо. Спасти миллион детей — это дар Божий.

> Матери — вот самая лучшая социальная помощь.

Последнюю роль Одри Хепбёрн сыграла в фильме Стивена Спилберга «Всегда» в 1989 году.

Режиссёры и продюсеры регулярно предлагали ей вернуться в кино. Но прежняя работа казалась ей такой мелкой и незначительной по сравнению с тем, что она делала для ЮНИСЕФ, что она даже не рассматривала их предложения всерьёз.

Однако один сценарий всё-таки её заинтересовал. Любовно-мистическая драма о лётчике, погибшем в бою и возвращающемся на землю в образе ангела, чтобы охранять свою невесту и помочь ей выйти замуж.

Роль Одри была чисто символической — она играла ангела, встречавшего душу лётчика и убеждающего его вернуться на землю, чтобы помогать тем, кого он любит. Но для Спилберга это была не просто эпизодическая роль, он считал, что её должна сыграть звезда, при жизни ставшая легендой. Одри за эти несколько минут на экране предложили миллион. Конечно, она согласилась, ведь теперь деньги были нужны ей как никогда. Большую часть своего гонорара она перевела на счёт ЮНИСЕФ.

«Одри оставляет впечатление бесплотного существа, хотя возраст уже успел заострить её черты, а глаза стали неестественно огромными, — пишет Александр Уолкер. — Напутствие Одри лётчику созвучно с теми словами, которые она

давно уже сказала себе самой. „Не растрачивай свою душу на поступки, совершаемые ради себя самого, — говорит она ему, — но только на то, что делается ради других“».

> Одни делают больше, другие меньше. Я делаю меньше других. Но сознание важности того, чем я занимаюсь, делает меня счастливой.

Последняя поездка Одри Хепбёрн по делам ЮНИСЕФ состоялась за четыре месяца до смерти, в сентябре 1992 года.

Это была поездка в Сомали, африканскую страну, раздираемую гражданской войной. «Я думала, что готова ко всему… — сказала Одри, вернувшись оттуда, — но реальность превзошла все мои ожидания».

Из Сомали она вернулась еле живая от нервного истощения и тяжёлой болезни. Её давно уже беспокоило здоровье, но Одри всегда стойко держалась и на этот раз тоже отказалась завершать свою поездку раньше времени. На болеутоляющих она дотянула до возвращения в Женеву, потом дала пресс-конференцию в Лондоне и только после того, как поведала всему миру о том, что увидела в Сомали, легла в больницу в Лос-Анджелесе.

Там ей сообщили неутешительный диагноз — опухоль в толстой кишке. 1 ноября провели срочную операцию. Казалось, что всё прошло удачно, через несколько дней Одри уже встала и смогла принимать посетителей. Но через три недели опухоль появилась снова. Стало ясно, что Одри осталось жить не больше трёх месяцев.

За неё молились во всём мире. Мать Тереза объявила о двадцатичетырёхчасовом молитвенном бдении за «её добрую сестру во Христе Одри Хепбёрн». Сама же она встретила известие о своём скором конце стойко и пожелала лишь вернуться домой, в Швейцарию. 25 декабря она провела в кругу семьи, а потом сказала: «Это было самое счастливое Рождество в моей жизни…»

Одри Хепбёрн умерла 20 января 1993 года.

> Если бы я однажды узнала, что мне осталось жить всего один день, я бы припомнила в моём прошлом всё самое хорошее, что посчастливилось пережить. Не печали, огорчения, выкидыши, не уход моего отца из дома, но радость всего остального. И этого было бы достаточно.

> «Цифры говорят, что Одри умерла молодой. Чего цифры не говорят — это то, что Одри умерла бы молодой в любом возрасте».

Питер Устинов